

БІОГРАФІЯ

И. И. ШУВАЛОВА.

МОСКВА.

1857.

БІОГРАФІЯ

И. И. ШУВАЛОВА.

МОСКВА.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва , Марта 9-го
дня 1857 года.

Ценсоръ Н. Фоль-Крузе.

(изъ Русской Бесѣды. Москва 1857 г. № 1.)

И. И. ШУВАЛОВЪ.

«Мы забудемъ со временемъ однофамильца Шувалова, который писалъ остроумные стихи на французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностью, веселостью и учтивостью, достойною времени Людовика XIV; но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда останется драгоценно музамъ отечественнымъ.»

Батюшковъ.

Едва ли гдѣ нибудь исторія образованности, изложенная надлежащимъ образомъ, можетъ представить столько важныхъ и для всякаго мыслящаго человѣка поучительныхъ явленій, какъ въ нашемъ отечествѣ. Разнообразіе путей, которыми переходила къ намъ наука, борьба возникавшихъ понятій, участіе въ этомъ дѣлѣ самаго общества, которое то жадно устремлялось къ свѣту, то снова предавалось губительному равнодушію, — все здѣсь привлекаетъ вниманіе наблюдателя. Такая исторія еще не писана; едва указаны главныя черты ея. Нѣтъ сомнѣнія однакожь, что въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія, въ Россіи, какъ и вездѣ, на ряду съ благотѣльными мѣрами правительства, не малую пользу приносили труды и заботы частныхъ людей, самостоятельныхъ его помощниковъ. Въ прошломъ столѣтіи, въ краткомъ списокѣ такихъ людей особенно ярко блистаютъ имена академика Ломоносова, вельможи Шувалова и типографщика Новикова. Мы увѣрены, что обстоятельныя жизнеописанія ихъ послужатъ важнѣйшимъ матеріаломъ будущему историку русскаго просвѣщенія.

Въ этой увѣренности передадимъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о знаменитомъ *предстателѣ музъ, русскомъ меценатѣ*, Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ. Кажется, что именно въ настоящее время будетъ

кетати возобновитъ память объ этомъ чловѣкѣ: Московскій Унивѣрситетъ, учрежденіе котораго составляетъ главное право Шувалова на признательность общественную, еще такъ недавно праздновалъ свое столѣтіе.

Писемъ Шуваловыхъ мы не найдемъ ни въ Исторіи Государства Россійскаго, ни въ старинныхъ грамотахъ, ни въ другихъ письменныхъ памятникахъ древней Россіи (1). Ихъ звѣстность начинается не раньше первой четверти прошлаго вѣка, и ею, кажется, они обязаны долговременной и усердной службѣ генераль-маіора Пвана Макеимовича Шувалова, обратившаго на себя вниманіе Петра Великаго, который поручилъ ему важную должность коменданта въ ново-завоеванномъ городѣ Выборгѣ. Онъ былъ чловѣкъ свѣдущій, занимался съемкою карты морскихъ и рѣчныхъ береговъ, опредѣлялъ границу между Россією и Швецією, производилъ уплату денегъ шведскимъ комиссарамъ на основаніи Ништадтскаго мира, содѣйствовалъ къ выгоднѣйшему заключенію сего послѣдняго, и умеръ при Аннѣ Ивановнѣ губернаторомъ въ Архангельскѣ (2). По всему видно,

(1) См. Россійск. Родословную книгу, изд. кн. П. Долгоруковымъ. Спб. 1835. ч. II. стр. 148. Андрей и Николай Шуваловы упоминаются въ Запискахъ Пашокина, стр. 249.

(2) Продолжительность мирныхъ переговоровъ съ Швецією выводила изъ терпѣнія Петра Великаго. Онъ наконецъ отправилъ въ Ништадтъ Ягужинскаго, съ повелѣніемъ поскорѣ окончить дѣло. Ягужинскій долженъ былъ ѣхать черезъ Выборгъ, и тамошній оберкомендантъ Ив. Маке. Шуваловъ, по просьбѣ Остермана, задержалъ Ягужинскаго разными усвоеніями и играми. Между тѣмъ наши уполномоченные выиграли время и заключили миръ безъ дальнѣйшихъ уступокъ. См. объ этомъ рукописное сочиненіе покойнаго Малиновскаго: *Біографическія свѣдѣнія о управленіи въ Россіи иностранными дѣлами министрахъ*, въ статьѣ объ Остерманѣ. — Бантышъ К: менскій, въ своемъ Словарѣ (1836, ч. V. стр. 345) называетъ Пвана Макеимовича отцемъ нашего мецената но въ Родословной книгѣ кн. Долгорукова показано, что зотъ Пванъ Макеимовичъ былъ его дядею, а отцемъ Пвана Пвановича былъ другой Пванъ Макеимовичъ, *меньшой*, братъ перваго. (Въ старину, какъ и теперь у крестьянъ, не рѣдко два родные брата носили одно имя, различаясь прозвищами *большой* и *меньшой*.) Изъ этихъ разнорѣчныхъ показаній мы признаемъ второе болѣе достовернымъ, пбо кн. Долгоруковъ очевидно пользовался бумагами, какихъ не было у Бантыша-Камеискаго. Къ сожалѣнію оба они не указываютъ своихъ источниковъ. Кн. Долгоруковъ писемно извѣщалъ насъ, что свѣдѣнія и бумаги о Шуваловыхъ были получены имъ отъ покойнаго знатока старины, Карабанова. — Рѣшить дѣло предстоитъ тому, кто получитъ доступъ къ семейному Шуваловекому архиву. Но если вѣрно показаніе Бантыша-Камеискаго, то возникаетъ любопытное предположеніе, не сблизился ли Ломоносовъ первоначально съ Шуваловымъ между прочимъ и потому, что отецъ сего послѣдняго управлялъ Архангельскою губернією. Просимъ извиненія у читателей за это длинное иривѣчаніе, вызванное неопредѣленностію біографическихъ данныхъ.

что онъ былъ добрый служака, не пользовавшийся впрочемъ большимъ значеніемъ. Однако онъ успѣлъ помѣстить двухъ сыновей своихъ, Александра (1710—1771) и Петра (1711—1762) (3), въ наип къ царскому двору, гдѣ еще при Петрѣ Великомъ оба они, а особливо старшій (4), заслужили особенное благоволеніе великой княжны Елизаветы Петровны,—обстоятельство, какъ увидимъ, опредѣлившее судьбу всѣхъ Шуваловыхъ. Вообще же Шуваловы принадлежали къ числу людей *новыхъ*, вызванныхъ къ дѣятельности петровымъ преобразованіемъ.

Иванъ Ивановичъ родился 1-го Ноября 1727 года въ Москвѣ (5). О первоначальномъ возрастѣ его не сохранилось почти никакихъ извѣстій. Объ отцѣ его, Иванѣ Максимовичѣ *младшемъ*, знаемъ только, что онъ служилъ въ гвардіи капитаномъ, подъ начальствомъ Миниха, лично извѣстенъ былъ Петру Великому, получилъ тяжелую рану на приступѣ къ Очакову (1737) и умеръ въ глубокой старости, не дождавшись совершеннолѣтія сына; о матери же—что она происходила изъ роду (вѣроятно польскаго) Рагиславскихъ, что ее звали Татьяною, и что она была еще въ живыхъ, когда счастье осыпало дарами своихъ сына (6). Маленькій Шуваловъ росъ конечно подъ ея надзоромъ, живя изрѣдка въ Москвѣ, но большей же

(3) См. ихъ біографіи у Б. Кам. Т. V. стр. 341—343; отсюда же взяты и дальнѣйшія о нихъ свѣдѣнія.

(4) См. тамъ же стр. 342. Впрочемъ Б. К. сообщаетъ это свѣдѣніе въ видѣ дошедшаго до него преданія.

(5) Что Шуваловъ родился въ Москвѣ, узнаемъ изъ статьи П. М. Снегирева: *Иванъ Ивановичъ Шуваловъ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1837, часть 15-я, Августъ, стр. 396—403). Откуда взято это свѣдѣніе, неизвѣстно. Годъ рожденія Шувалова опредѣляется надгробнымъ словомъ преосвященнаго Анастасія Братановскаго, который между прочимъ говоритъ, что Шуваловъ *прожилъ 70 лѣтъ*, а скончался онъ въ Нолбрѣ 1797 г.—Бантышъ-Каменскій также назначаетъ годомъ рожденія 1727 годъ. Кажется, эти показанія неоспоримы. Вольтеръ писалъ къ Шувалову отъ 1-го Авг. 1758 года: «Узнавъ, что вамъ всего двадцать пять лѣтъ, не могу надивиться глубинѣ и разнообразію вашихъ познаній»; но онъ зналъ о годахъ Шувалова по слухамъ, и можетъ быть, по обычаю, нарочно сократилъ года, чтобы еще больше польстить корреспонденту своему. Что Шуваловъ родился 1 Ноября, видно изъ многихъ указаній, между прочимъ изъ Разсужденія Ломоносова о размноженіи русскаго народа. Ломоносовъ, поднося Шувалову это разсужденіе, 1 Нолбря 1761 года, говоритъ: «Прону о вашемъ безпрерывномъ здравіи и во всемъ удовольствіи Всевышняго Строителя и Правителя всѣхъ народовъ и языковъ, прозвѣданаго васъ въ сей день.» (См. Москвит. 1842 г. N. 1, стр. 143).

(6) См. Раздел. книгу кн. Долгорукаго, Ч. II. стр. 150.—И. М. Снегиревъ общаетъ, что Шуваловъ остался послѣ отца 10-лѣтнимъ ребенкомъ.

часть въ деревнѣ дѣда своего (не извѣстно по отцу или по матери), кажется, въ Смоленской губерніи (7).

Ничто не предвѣщало Шувалову блестящей будущности. Въ небогатой семьѣ своей онъ получалъ воспитаніе самое простое (8). Тогда преобразование Россіи еще только совершалось; прошло лишь нѣсколько лѣтъ послѣ кончины преобразователя. Въ деревенскую глушь не успѣла еще проникнуть новизна. Хотя родители Шувалова, имѣя родственниковъ при царскомъ дворѣ, болѣе или менѣе уже знакомы были съ новыми требованіями, но въ домѣ ихъ безъ сомнѣнія еще господствовала старина во всей своей силѣ, со всеми хорошими и дурными сторонами своимъ. Старикъ дѣдъ былъ живымъ памятникомъ времени царя Алексея Михайловича. Шувалова вспоили и вскормили деревенскія мамушки; съ первыхъ дней своихъ онъ слышалъ одну только родную рѣчь, русскія сказки, русскія пѣсни; словомъ, провелъ дѣтство въ неразрывномъ общеніи съ народомъ, не отчуждаясь отъ него, не привыкая смотрѣть на него съ высека. Тогдашнее воспитаніе, какъ ни много представляетъ оно недостатковъ, имѣло однако свою выгоду, и именно въ этомъ ближайшемъ знакомствѣ съ родною страной и съ окружающею природою. Мы знаемъ о томъ, между прочимъ, по запискамъ Болотова, который также, какъ и Шуваловъ, сынъ небогатаго дворянина, первые годы провелъ въ деревенскомъ захолустьи (9). Такое сближеніе дѣйствовало живительно: ребенокъ вырасталъ настоящимъ сыномъ земли своей.

(7) См. Записки П. О. Тимковского, подъ заглавіемъ: *Мое опредѣленіе въ службу*, ч. 5-я, *Шуваловъ* (Москвит., 1852, № 20, стр. 39.). «Сколько я могъ замѣтить—говоритъ Тимковскій о Шуваловѣ—кажется, онъ имѣлъ особыл отношенія въ Смоленской губерніи. Я видалъ у него и у княгини (Голицыной, сестры его) бывшаго тамъ губернатора съ семействомъ и другихъ оттуда пріѣзжихъ. Оттуда же онъ имѣлъ секретарями изъ университетскихъ, Можайскаго, переводчика Сельскихъ ночей (Сельскія ночи, въ 10 пѣсняхъ: соч. Де-ла-во, переп. Т. М. Два изданія, оба въ Петербургѣ, 1786 и 1792), и потомъ Людоговскаго, бывшаго тамъ послѣ директоромъ училищъ».

(8) См. *Жизнь оберъ-камергера П. П. Шувалова*, написанную племянникомъ и воспитанникомъ его, кн. Оедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Она была напечатана нѣсколько разъ (между прочимъ во 2-й мартовской книгѣ Москвитинца за 1853 годъ), но всегда съ пропусками. Мы пользовались полнымъ рукописнымъ экземпляромъ, находящимся въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго. При всей краткости своей эта біографическая записка представляетъ самыя достовѣрныя данныя, и потому принята въ основаніе нашего труда. Изъ нея заимствованы все главныя свѣдѣнія, при сообщеніи которыхъ считаемъ извѣстнымъ дѣлать выписки.

(9) См. Отечество. Записки 1840 года. Нельзя не пожалѣть, что изъ 39 частей этихъ записокъ напечатаны только первыя девять, и то съ пропусками.

Вообще Шуваловъ, подобно многимъ другимъ славнымъ людямъ прошедшаго вѣка, первоначальными основами своего характера обязанъ былъ тому быту, который обыкновенно называютъ до-петровскою стариною. Изъ родительскаго дома вынесъ онъ безусловную покорность уставамъ Церкви, благоразумное, далеко не похожее на раболѣзство, уваженіе власти, горячую любовь къ родинѣ и то желаніе быть ей полезнымъ, которое увѣковѣчиваетъ его имя въ исторіи. Оттого европейское образованіе, усвоенное имъ впоследствии, принесло такіе прекрасные общественные плоды. Шувалова никогда не покидала мысль о родинѣ и о сообщеніи своимъ соотечественникамъ новыхъ благъ образованности. Письма его изъ-за границы, которыя читатель встрѣтитъ ниже, показываютъ, что, по складу ума и рѣчи, онъ былъ вполне русскій человѣкъ.

Первыми учебными книгами Шувалова, безъ сомнѣнія, были церковная азбука и часословъ. Къ сожалѣнію не сохранилось никакихъ подробностей объ его ученіи, которое конечно проходило очень просто. Живя въ Москвѣ, онъ учился у одного учителя съ другимъ московскимъ уроженцемъ, славнымъ Суворовымъ, который, по всему вѣроятію, жилъ тогда въ домѣ своего дѣда, кремлевскаго придворнаго протоіерея (10). Шуваловъ помнилъ объ этомъ товариществѣ, и самъ рассказывалъ о немъ впоследствии. Надо думать, что учитель былъ хорошии и умѣлъ заохотить къ ученію: оба ученика вышли просвѣщенѣйшими людьми своего вѣка. Молодой Шуваловъ еще въ Москвѣ понималъ и даже говорилъ по французски и по нѣмецки, также приобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ математикѣ.

Его воспитывали по просту пользуясь при обученіи средствами, какія можно было тогда имѣть въ Москвѣ, и конечно не думая вовсе готовить его къ извѣстности. Какъ и все тогдашніе дворяне, онъ со временемъ вѣроятно поступилъ бы рядовымъ въ какойнибудь полкъ, если только не былъ записанъ въ военную службу съ младенчества. Петербургское родство не могло обѣщать родителямъ Шувалова никакихъ особенныхъ надеждъ относительно будущности ихъ сына. Правда, двоюродные его братья служили уже камеръ-юнкера-

(10). См. Родослов. книгу. ч. II. стр. 66. Къ сожалѣнію кн. Долгоруковъ не показываетъ, откуда заимствовалъ онъ это любопытное извѣстіе, которое объясняетъ привычку великаго полководца нѣтъ въ церкви на клиросѣ, и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ старину и велико-русскіе дворяне поступали въ бѣлое духовенство.

ми, но при дворѣ цесаревны Елизаветы Петровны, которая, въ царствованіе Анны Ивановны, сама не рѣдко искала покровительства и жила какъ бы въ опалѣ, иногда даже терѣла нужду (11).

Но наступилъ памятный въ русской исторіи Ноябрь мѣсяць 1741 года. Оба брата Шуваловы показали особенную дѣятельность въ ночь на 25-е число этого мѣсяца, когда дочь Петра Великаго поѣхала изъ дворца своего (нынѣшнее зданіе лажескаго корпуса) въ Преображенскія казармы принимать присягу на вѣрноподданство. Усердіе Шуваловыхъ много помогло счастливому окончанію этого переворота, совершившагося къ радости цѣлой Россіи, измученной правленіемъ Бирона. Государыня, разумѣется, не забыла услуги. Оба брата немедленно получили по нѣскольку наградъ, были пожалованы чинами и удержаны при дворѣ, уже съ званіемъ дѣйствительныхъ камергеровъ. Жена младшаго изъ нихъ, Петра Ивановича, Мавра Егоровна (урожд. Шепелева), сдѣлалась статсъ-дамою и приобрѣла большую силу во дворцѣ.

Почти весь слѣдующій годъ (съ Февраля по Декабрь) Елизавета Петровна прожила въ любимой своей Москвѣ, гдѣ въ Апрѣлѣ происходили торжества вѣчанія на царство. Тутъ братья Шуваловы конечно выдѣлились съ своими родственниками и, по всему вѣроятію, въ это время замѣтили между ними 15-лѣтняго мальчика прекрасной наружности, тихаго, добродушнаго, прилежнаго къ ученью. Намъ неизвѣстно уметвенное развитіе Александра Ивановича Шувалова, но о братѣ его, Петрѣ, современники единогласно отзываются, какъ о человѣкѣ съ обширнымъ умомъ и съ большими свѣдѣніями, особливо въ наукахъ математическихъ. По всему вѣроятію онъ обратилъ вниманіе на двоюроднаго брата своего, и рѣшился взять его къ себѣ въ Петербургъ, чтобы образовать его и вывести въ люди. Молодой Шуваловъ былъ опредѣленъ въ пажи къ царскому двору, т. е. поставленъ на ту самую дорогу, по которой съ такимъ успѣхомъ шли его родственники.

(11) Вотъ между прочимъ любопытное о томъ свидѣтельство. Елизавета Петровна въ царствованіе Анны Ивановны была дружна съ принцессою Анною Леопольдовною. Когда у сея послѣдней родился сынъ (будущій императоръ Іоаннъ), цесаревичъ необходимо было чѣмъ нибудь подарить родильницѣ. Она нѣсколько разъ послала въ Гостинный дворъ торговать какую-то вазу; но не могла дать дорогой цѣны, которую за нее просили. Вдругъ гостинодворцы по чему-то узнали, что ваза нужна дочери Петра Великаго, и немедленно уступили ее даромъ. Какъ извѣстно, Елизавета Петровна въ ту пору считалась представительницею русской стороны. Этотъ разсказъ сообщенъ по преданію покойнымъ Ф. Ф. Вигелемъ.

Въ походѣ 1742 г. государыня и дворъ уѣхали изъ Москвы, и съ этихъ поръ, по всему вѣроятію, началась для Шувалова петербургская придворная жизнь его (12).

Сохранилось много свидѣтельствъ о томъ, что въ это время первые люди въ государствѣ живо чувствовали необходимость образованія. Ближайшее лице къ государынѣ, оберъ-егермейстеръ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій тотчасъ воспользовался своимъ возвышеніемъ, чтобы вызвать изъ Украйны 14 лѣтняго брата, Кирилу Григорьевича, и немедленно, по возвращеніи изъ Москвы, отпразднать его за границу учиться подъ надзоромъ адъюнта Теплова (13). М. П. Воронцовъ (мужъ императрицыной двоюродной сестры, Анны Карловны Скавронской) не щадилъ издержекъ на воспитаніе дѣтей и племянницы (впослѣдствіи знаменитой кн. Дашковой) (14). Государственный канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ посвящалъ свои досуги наукамъ и въ послѣдствіи даже печаталъ книги (15). Такіе приемы не могли оставаться безъ подражанія. Не мудрено, что Шуваловы также позаботились объ учителяхъ для брата своего. Но положительныхъ извѣстій о томъ не сохранилось знаемъ только, что, будучи наемъ, молодой Шуваловъ продолжалъ начатое въ Москвѣ ученіе. Можетъ быть для преподаванія наукъ приглашались петербургскіе академики; но ни предметы, ни объемъ преподаванія намъ неизвѣстны. Въ послѣдствіи, Шуваловъ не обнаруживалъ особенной склонности къ какой-либо отдѣльной отрасли знанія: его образованіе было общее, энциклопедическое, хотя изящная словес-

(12). Мы говоримъ *по всему вѣроятію*, не утверждая навѣрное. С. Н. Глинка сообщаетъ (Русское Чтеніе, ч. II, стр. 281), что Шуваловъ находился уже въ Петербургѣ въ 1742 г., передъ возвращеніемъ туда императрицы, и что онъ спрашивалъ Ломоносова, будетъ ли ода на высочайшее прибытіе. Тотъ отвѣчалъ, что ему надобно оду послѣ того, какъ Тредьяковскій написалъ оду Бирону, и потомъ по его приказу накропала другую на вошествие Юанна Антоновича, которую и приписалъ Ломоносову, чтобъ придать ей ходъ.—Стало быть вы не любите Елизаветы? — возразилъ Шуваловъ. Въ отвѣтъ на это Ломоносовъ принялся за оду:

Какой пріятный зефиръ вѣять.

Все это Глинка слышала по преданію отъ умирающаго Хераскова, и точности тутъ искать нечего. Кромѣ того Шуваловъ могъ уѣхать изъ Москвы впередъ, прежде двора.

(13). См. въ Москвитинѣхъ (1852, № 12, стр. 5—8) *Инструкцію, какимъ образомъ Разумовскому поступать, будучи въ чужестранныхъ государствахъ*, подписанную въ Мартѣ 1743 г.

(14). Записки кн. Дашковой, въ отрывкахъ переведенныя съ англійскаго, въ Москвитнѣхъ, 1842. № I, стр. 100.

(15). См. его біографію у Бант. Кам. 1836. ч. I, стр. 133—9.

ность наиболѣе занимала его. Это объясняется съ одной стороны потребностями того времени, съ другой необыкновенною способностью Шувалова къ иностраннымъ языкамъ. Онъ рано познакомился съ языками итальянскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ. Последнему легко было научиться, находясь при дворѣ Елизаветы Петровны, особливо въ первые годы ея царствованія, когда еще не было устранено вліяніе Лестока; языкъ итальянскій постоянно слышался со сцены придворнаго театра, который славился тогда во всей Европѣ итальянскою оперою; наконецъ уроки учителей, которые, по всему вѣроятію, были преимущественно Нѣмцы, могли познакомить Шувалова съ нѣмецкимъ и латинскимъ языками.

Знаніе языковъ не только обогащало Шувалова разнообразными свѣдѣніями, но и помогло служебнымъ его успѣхамъ. Оно было особенно полезно въ должности пажа. Государыня и вельможи не рѣдко посылали Ивана Ивановича къ иностраннымъ министрамъ съ разными посланками, вопросамъ и порученіями, такъ что онъ былъ постоянно на виду. Его скромность, доброправіе, любознательность, а вѣроятно болѣе всего красота—родовое преимущество Шуваловыхъ, выдвигали его изъ ряда товарищей. Братья Шуваловы не теряли его изъ виду, «имѣя—какъ отзывается племянникъ и жизнеописатель его, Кн. Ѳ. Н. Голицынъ—можетъ быть какія-нибудь дальнѣйшія соображенія». Нѣтъ сомнѣнія, что статсъ-дама, Мавра Егоровна, женщина умная, ловкая и дальновидная, жившая постоянно во дворцѣ (16), пользовалась разными случаями, чтобы обратить на красавца-пажа благосклонное вниманіе государыни Елизаветы Петровны: онъ получилъ первый знакъ милости ея величества—золотые часы, и назначенъ камеръ-пажемъ. Впрочемъ въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны Шуваловы еще не пользовались особенымъ значеніемъ: тогда наибольшую силу имѣлъ графъ А. Г. Разумовскій. Сохранилось любопытное преданіе, что Мавра Егоровна Шувалова служила молебны по возвращеніи мужа своего съ охоты, на которую онъ ѣзжалъ съ Разумовскимъ, такъ какъ иногда случалось, что сей послѣдній обращался съ ея мужемъ не очень вѣжливо, и по просту сѣкъ его батогами (17). Мало по малу сила

(16). Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. 1821. г., ч. I, стр. 179. и Дашлова, стр. 102.

(17). Это рассказывалъ гр. И. Г. Чернышевъ, и записалъ Порошинъ. См. его записки, Сиб. 1844. стр. 72.

Разумовскаго ослабѣвала, хотя онъ до конца пользовался почестями и милостями; Шуваловы же умѣли упрочить свое значеніе. Старшій изъ нихъ, Александръ, получилъ въ свое вѣдѣніе тайную канцелярію; Петръ Ивановичъ сосредоточилъ въ рукахъ своихъ разныя отрасли управленія, главнымъ же образомъ тѣ, которыя нынѣ входятъ въ составъ министерствъ военнаго и финансовъ; оба они въ 1746 году получили графскій титулъ русской имперіи. Они дѣйствовали однако весьма осторожно, и для возвышенія двоюроднаго своего брата сочли нужнымъ обратиться къ покровительству двухъ друзей графа Разумовскаго, къ Апраксину и графу Бестужеву-Рюмину. Александръ Ивановичъ Шуваловъ нарочно ѣздилъ къ нимъ просить, чтобы они «фамиліи ихъ сдѣлали одолженіе и ея величеству въ удобное время доложили» о дальнѣйшемъ производствѣ Ивана Ивановича (18). Очевидно, это было сдѣлано только для прикрытія на самомъ дѣлѣ милость императрицы къ Шуваловымъ уже не подлежала сомнѣнію.

Сказанное происходило въ 1749 году. Тогда императрица жила круглый годъ въ Москвѣ, по временамъ уѣзжая въ окрестныя села и монастыри. Свои именины, 5 Сентября, она праздновала въ Воскресенскомъ монастырѣ, и наканунѣ этого дня пожаловала Ивана Ивановича Шувалова, которому тогда еще не исполнилось 22 лѣтъ, своимъ камеръ-юнкеромъ, о чемъ напечатано было слѣдующее извѣстіе въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ «Прошлаго Сентября 4 «дня въ Воскресенскомъ монастырѣ ея императорское величество «всемилостивѣйше пожаловала своего камеръ-пажа Ивана Ивановича Шувалова въ свои камеръ-юнкеры съ жалованіемъ, по чему «прочіе ея величества камеръ-юнкеры получаютъ» (19).

Съ этихъ поръ начинается придворное значеніе И. И. Шувалова или, какъ тогда говорили, *случай* его (20). Хотя, по возвращеніи государыни въ Петербургъ, въ 1751 году, явился было ему весьма опасный совмѣстникъ въ лицѣ молодого подпоручика гвардіи Никиты Аонасьевича Бекетова, но его скоро отстранили, съ помощью какаго-то притирающаго, которое ему далъ графъ П. И. Шуваловъ и

(18). Тамъ же.

(19). См. Спб. Вѣдомости, 1749 г. № 85. стр. 678. извѣстіе изъ Москвы, отъ 15 Октября.

(20). Отсюда обыкновенное выраженіе про людей, внезапно возвысившихся: *онъ человекъ случайный*. Этому выраженію соответствуетъ другое: *быть во временіи, временичкѣ*; какъ, на пр., говорить человѣку, который получаетъ выгодное мѣсто: «будешь во временіи, меня позашу».

которое обезобразило его наружность (21). Неусыпная дѣятельность графини Мавры Егоровны Шуваловой увѣчалась полнымъ успѣхомъ: Ивану Ивановичу было отведено особенное помѣщеніе во дворцѣ, остававшееся за нимъ до самой кончины императрицы. Онъ высзано очутился на высотѣ почестей: его назначили дѣйствительнымъ камергеромъ, дали ему орденъ Александра Невскаго и Польскій Бѣлаго Орла (1754), чины генераль-поручика (21 Сент. 1757) и генераль-адъютанта (4 Юнія 1760), наконецъ онъ сдѣлался членомъ Конференціи или тогдашняго Государственнаго Совѣта (22). Однимъ словомъ, въ продолженіе слѣдующихъ 10 лѣтъ онъ пользовался неизмѣнною, постоянно возрастающею милостію государыни, которая, какъ видно изъ современныхъ отмѣтокъ, нѣсколько разъ въ году обѣдывала и ужинала у него, оставаясь не рѣдко по долгу въ его домѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны всѣ важныя дѣла проходили черезъ руки И. И. Шувалова: онъ не рѣдко объявлялъ Сенату и вышнимъ чиновникамъ именныя повелѣнія (23); къ нему обращались въ затруднительныхъ случаяхъ, когда нужно бывало особенное распоряженіе императрицы; черезъ него подавались просьбы и доклады на высочайшее имя, и особенно часто въ концѣ царствованія, когда Елизавета Петровна по нездоровью почти не выходила изъ внутреннихъ покоевъ дворца (24).

Нравы и понятія того времени не дозволяютъ произносить строгихъ приговоровъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не сказать въ похвалу Шувалову, что счастье не измѣнило и не испортило его, быть можетъ, потому, что онъ не добивался его, а оно пришло къ нему само, неожиданно. Его предшественникъ графъ Разумовскій, не зная его еще коротко, сначала ожидалъ себя неурядицъ и боялся удаленія отъ двора; но вскорѣ убѣдился, что Иванъ Ивановичъ нисколько не

(21) См. его біографію у Бант. Кам. изд. 1836. ч. I. стр. 115.

(22). См. тамъ же, ч. V. стр. 348. Эти повышенія означены также и въ современныхъ ведомостяхъ. Бант. Каменскій имѣлъ въ рукахъ, какъ видно, формулярный списокъ Шувалова. У него обозначены дипломатическія бумаги, подъ которыми подписался Шуваловъ, а именно: 7 Марта 1760 г., подъ актомъ приступленія Россіи къ трактату между вѣнскимъ и парижскимъ дворами, о продолженіи войны съ Пруссією; 10 Марта 1760 г., подъ актомъ приступленія Россіи къ договору между Францією и Данією, постановленному въ Копенгагенѣ (о чемъ, не сказано), и 21 Марта того же года, подъ конвенцією о взаимной дружбѣ Россіи съ Австрією.

(23). Записки Шаховскаго. ч. II. стр. 100—101.

(24). См., между прочимъ, Порошина. стр. 462.

думалъ штригами упрочивать свое положеніе, и доброе согласіе между ними никогда не нарушалось. Вообще мы не видимъ у Шувалова соперниковъ; безкорыстными поступками, мягкимъ и всегда ровнымъ характеромъ своимъ онъ никого не могъ вооружать противъ себя. Все знали въ немъ человѣка добродушнаго не имѣющаго никакихъ личныхъ замысловъ; его благонамѣренности нельзя было не вѣрить, ибо всякое доброе дѣло, всякая истинная заслуга не только находили въ немъ цѣнителя, но онъ самъ любилъ ихъ отыскивать, и обращать на нихъ милостивое вниманіе императрицы. Извѣстно, что душевныя качества всего лучше раскрываются въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба предоставляетъ человѣку обширный кругъ дѣйствій и даетъ ему власть надъ другими людьми, которая, по выраженію Екатерины II, подобно вину, обнаруживаетъ душу и сердце. Между тѣмъ какъ вельможи и министры искали покровительства Шувалова, и отъ него не рѣдко зависѣло рѣшеніе въ государственныхъ дѣлахъ первой важности, самъ онъ оставался все тотъ же, тихій и скромный, любитель небольшого кружка друзей, врагъ ссоръ и шума, доброжелательный и снисходительный. Никакія тревоги не возмущали душевной его ясности; онъ не пристрастился ни къ богатству, ни къ почестямъ. Онъ не имѣлъ и ни за что не хотѣлъ принять графскаго титула, который пріобрѣли двоюродные его братья; отказывался не только отъ медали, которую было вздумали выбить въ честь его, но и отъ большихъ помѣстій, не разъ предлагаемыхъ ему императрицею (25).

Нельзя не замѣтить однако, что тутъ была и дурная сторона. По своей добродушной и нѣсколько лѣнливой природѣ, Шуваловъ не могъ въ дѣлахъ государственныхъ выдти изъ-подъ вліянія двоюроднаго своего брата, графа Петра Ивановича, который чрезъ его возвышеніе многиѣ достигъ своей цѣли и всегда имѣлъ въ немъ покорное себѣ орудіе. Все современники обвиняютъ графа Шувалова въ непомѣрномъ корыстолюбіи, которое омрачало славу и возмущало счастливое спокойствіе Елизаветина царствованія. Оспраивая на значеніе брата, онъ первенствовалъ въ Конференціи и Сенатѣ и дѣлалъ, чтò хотѣлъ. Иванъ Ивановичъ не въ силахъ былъ преодолѣть свой уступчивый характеръ и не рѣдко покорялся брату, вопреки своему убѣж-

(25) См. о медали въ вышеуказанной статьѣ Снегирева, стр. 399. Въ иностранныхъ сочиненіяхъ часто смѣшиваютъ Шувалова съ двоюродными его братьями и называютъ его графомъ. Эта ошибка публично повторялась и у насъ, даже недавно.

денію. Петръ Ивановичъ всегда умѣлъ разжалобить его, надоѣдалъ ему своими просьбами, выставлялъ передъ нимъ свою правоту, и достигалъ цѣли. Не имѣя опытности въ дѣлахъ, П. И. Шуваловъ судилъ о другихъ по себѣ и можетъ быть почиталъ обязанностью слушаться старшаго брата, который вывелъ его въ люди и былъ ему мѣсто отца. Въ то время уваженіе къ старшинству, особливо въ родствѣ, было очень сильно. Сохранилось на пр. преданіе, что Григорій и Алексѣй Орловы, на высотѣ почестей и славы, никогда не смѣли садиться въ присутствіи малочиннаго старшаго брата своего, Ивана Григорьевича. Не рѣдко Шуваловъ находился въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ передаетъ кн. Я. П. Шаховской въ драгоценныхъ запискахъ своихъ. Шуваловъ давно и коротко зналъ кн. Шаховскаго и оказывалъ ему покровительство, безъ сомнѣнія цѣня его рѣдкое прямоту и усердіе къ службѣ. Но кн. Шаховской постоянно не ладилъ съ графомъ Шуваловымъ. Уже давно между ними были разныя непріятности, особенно усилившіяся съ тѣхъ поръ, какъ кн. Шаховской сталъ засѣдать въ Конференціи, получивъ, не безъ содѣйствія Ивана Ивановича, одну изъ важнѣйшихъ въ то время должностей — генераль-прокурора въ Сенатѣ. Графу Шувалову нужно было доставить выгодное мѣсто одному изъ своихъ кліентовъ; Шаховской воспротивился, находя такое назначеніе незаконнымъ. Послѣ жаркаго спора гр. Шуваловъ ушелъ изъ Конференціи, собиравшейся обыкновенно во дворцѣ, къ Ивану Ивановичу, и со слезами жаловался ему на упрямство генераль-прокурора. На другой день явился къ Ивану Ивановичу и сей послѣдній и скоро убѣдилъ его въ своей справедливости. Такимъ образомъ Шуваловъ очутился между двухъ огней. Положено было свести противниковъ на очную ставку.

«Черезъ нѣсколько дней—разсказываетъ Шаховской— когда его «сіятельство графъ Петръ Ивановичъ по чину генераль-адъютанта «во дворѣ дежурнымъ былъ, дано мнѣ было знать отъ Ивана Ивановича, чтобы я по полудни, въ пятомъ часу, пріѣхалъ во дворецъ «и былъ въ покой къ нему, что я исполнить и не преминулъ. Онъ «тотчасъ брата своего Петра Ивановича чрезъ посланнаго отъ себя «увѣдомилъ; а потомъ вскорѣ позвалъ меня къ нему въ дежурную. «Мы, пришедъ, нашли его одного, лежащаго по камерѣ, столикъ не- «большой четвероугольной и три стула вокругъ онаго уже были го- «товы. Мы поклонясь и учтивыми словами и видами, какъ обыкно-

«венно при такихъ случаяхъ бываетъ, обласкавъ, съли за оной сто-
«ликъ: Иванъ Ивановичъ на одномъ концѣ, а мы по сторонамъ,
«одниъ противъ другаго. Иванъ Ивановичъ, кликнувъ графскаго ка-
«мердинера, послалъ его въ прихожую камеру, чтобъ онъ вѣсыъ
«приходящимъ къ графу отказывалъ, и началъ, яко ректоръ, пред-
«лагать задачу, объявя, во первыхъ, брату своему нѣсколько словъ
«изъ моихъ представленій о безпристрастномъ желаніи моемъ быть
«съ ними въ согласіи и дружбѣ.» Тутъ начался долгій и жаркій
споръ, въ продолженіи котораго Иванъ Ивановичъ большею частію
молчалъ, изрѣдка останавливая брата своего въ горячности. Шаховской
напомнилъ графу многія его продѣлки, доказывалъ, что они могутъ
имѣть дурныя послѣдствія и дружески совѣтывалъ вести себя осторож-
нѣе. «Вотъ братецъ—замѣтилъ Иванъ Ивановичъ—миѣ кажется, его
«сіятельность, какъ справедливость любящій человекъ, прямо дружбы
«вашей желаетъ на честныхъ основаніяхъ.» Но разговоръ, какъ
обыкновенно въ такихъ случаяхъ, кончился ничѣмъ. Мпрлюбовное
вмѣшательство Шувалова не имѣло успѣха, и противники разста-
лись непримиренные. Однако послѣ этого Шаховской замѣтилъ,
что «Иванъ Ивановичъ болѣе вдовъ ласковости, а менѣе приобл-
«женія къ искренней откровенности ему оказывалъ (26).» Вообще
вліяніе брата тяготѣло надъ Шуваловымъ. Вотъ еще примѣръ того.
Изъ всѣхъ царедворцевъ Шуваловъ особенно былъ друженъ съ ка-
мергеромъ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, бра-
томъ славнаго Захара Григорьевича. Ихъ звали Орестомъ и Пила-
домъ, и они подписывались такъ въ письмахъ другъ къ другу.
Сходство характеровъ, откровенность, добродушіе и любовь къ про-
свѣщенію сблизали ихъ. Но графъ Шуваловъ усналъ, что Черны-
шевъ передаетъ Ивану Ивановичу объ разныхъ его поступкахъ, и
тотчасъ же успѣлъ сбыть съ рукъ такого, какъ выражается кн.
Шаховской, Аргуса: Чернышевъ былъ отравленъ въ Вѣну това-
рищемъ къ тамошнему русскому посланнику, графу Кейзер-
лингу. (27).

И такъ, не смотря на всю силу свою при дворѣ, Шуваловъ въ
дѣлахъ государственныхъ былъ покорнымъ орудіемъ другихъ.

(26) Записки Шаховскаго. ч. II. стр. 50—64.

(27) Тамъ же. стр. 66—67. и Москвит. 1843, № 11, гдѣ напечатаны письма гр.
Чернышева къ Шувалову.

Между тѣмъ нельзя было сказать, чтобъ этотъ человѣкъ не имѣлъ характера; трудно упрекнуть его въ вялости душевной. Что же занимало его, въ какой сферѣ дѣйствовалъ онъ энергически и былъ вполне самостоятеленъ? На высоту почестей, къ блестящему и пышному двору Елизаветы принесъ онъ чувство благотворительности и горячую юношескую любознательность, и тѣмъ оказалъ, можетъ быть, гораздо болѣе истинной пользы отечеству, нежели другіе тогдашніе вельможи.

«Я увѣренъ, говоритъ кн. О. Н. Голлицынъ про дядю своего, «что рѣдко встрѣчался у двора человѣкъ столь добродѣтельный. «Каждою просителя допущалъ онъ до себя почти безъ доклада, выслушивалъ терпѣливо, отбиралъ бумаги; отвѣтъ онъ получалъ безъ всякой проволочки. Если же онъ хотъ мало, между прибѣгающими къ нему, примѣтитъ нѣкъ недостаточнаго, то, даже и не спрашивая объ его состояніи, тотчасъ ему помогалъ. Мало кто, я думаю, видѣлъ въ свою жизнь столь щедрого человѣка.»

Скромность Шувалова кощечно утаивала эти подвиги благотворительности. Но до насъ дошли онъ, какъ по общему преданію, такъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Тотъ же князь Шаховской, о которомъ говорено выше, передаетъ слѣдующій случай. Находясь въ должности генералъ-крюгсъ-коммиссара, и живя въ Москвѣ, Шаховской случайно узналъ, что больные солдаты очень дурно помѣщались въ госпиталѣ, и не подавая никому о томъ рапорта, чтобы поскорѣе помочь, рѣшился перевести ихъ на время въ старое и давно оставленное зданіе дворцовыхъ пивоварень. Петербургскіе враги его, въ томъ числѣ графъ П. П. Шуваловъ, не замедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ, и чрезъ графиню Мавру Егоровну представили этотъ поступокъ, какъ примѣръ необыкновенной дерзости и самовольства. Онъ увѣрилъ государыню, что Шаховской помѣстлялъ солдатъ съ приличными болѣзнями въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ разливаются напитки для ея величества. Немедленно поскакалъ въ Москву царочный съ указомъ перевести больныхъ солдатъ въ домъ Шаховскаго и раздѣлить по всемъ комнатамъ, не обходя и спальни. Бѣдный Шаховской обратился съ просьбою о заступленіи къ Ивану Пвановичу, который тотчасъ же разсказалъ государыни настоящее дѣло и, выпросивъ ему полное прощеніе, постыжился успокоить его письмомъ своимъ. «Я оному письму господина Шувалова—говоритъ Шаховской—обрадовался, яко бы съ небеси прсланной, охранитель-

ной отъ всякихъ мнѣ злоключеній грамотъ... своимъ благоеклоннымъ ко мнѣ писаніемъ онъ весьма похваляя учиненный мой въ призрѣніи больныхъ поступокъ и обнадеживалъ меня своимъ защищеніемъ.... Онъ отъ имени ея величества въ томъ увѣрялъ меня, что ея величество, увидя мое оправданіе, сожалеетъ, что такъ скоро и неосмотрительно со мною было учинено» (28).

Вотъ еще другой примѣръ благотворительности Шувалова. Пзвѣстный медикъ Лестокъ, оказавшій Елизаветѣ Петровнѣ большія услуги при восшествіи ея на престоль, былъ оклеветанъ передъ императрицею, лишень чиновъ, имѣнія и посаженъ, вмѣстѣ съ молодою женою, въ Петропавловскую крѣпость (1748). Черезъ четыре года ихъ перевели на жптье въ Вологодскую губернію, въ Устюгъ Великій (1753). Оттуда Лестокъ писалъ къ Шувалову, прося заступленія. Хотя Лестокъ былъ личный врагъ двухъ самыхъ значительныхъ людей того времени, канцлера Бестужева и фельдмаршала Апраксина, однако Шуваловъ успѣлъ нѣсколько облегчить его участь, нехотѣйствовалъ ему большую свободу въ заключеніи, и посылалъ ему разнаго рода вспоможенія, что видно изъ слѣдующаго письма къ нему самаго Лестока (29).

«Высокородный графъ, высочайшая милость и сожалѣніе ея имп. величества приводитъ насъ до высочайшей степени радости, что мы гъ крайней нашей печали и бѣдности не совсемъ позабыты; мы все по реэстру получили, что ваше сіятельство переслать къ намъ изволили. Ваше сіятельство можете разсудить, какъ пріятно и нужно намъ это быть можетъ, что здѣсь ни фунта хорошева чаю, ниже хорошева вина ни за что достать не съищемъ. Ваше жъ сіятельство, изъ природнаго вашего добросердечія, насъ спросить приказали, нѣтъ ли намъ въ мѣхахъ нужды намъ крайняя въ томъ нужда, потому что здѣсь оное не продается; хотя бъ старая, пошенная женская ешапча, мы очень обрадуемся и съ благодареніемъ принимаемъ, что намъ присылается. Еще прошу о 40-ка фунтахъ хлопчатой бумаги. Мы принуждены чай пить изъ мѣдныхъ чашекъ, ибо фарфороваго какъ чайника, такъ и чашекъ не имѣемъ. Можно бъ мнѣ осмѣлиться просить ваше сіятельство объ одномъ ружьѣ, и чтобъ мнѣ позволено

(28) Записки кн. Шаховскаго. ч. 1, стр. 151—159.

(29) См. Москвит. 1845, № 11, стр. 35. Подробности о Лестокѣ въ его биографіи у Бант. Каменскаго и въ книгѣ Вейдемейра: *Царствованіе Елизаветы Петровны*, стр. 63—66. Лестокъ называется Шувалова графомъ, по познанію.

было стрѣлять, здѣсь много сурковъ, однакожь не продаются. Жена моя покорнѣйше благодарить за присланное платье. Впрочемъ съ покорностію пребуду покорной слуга Г. *Лештокъ*. 2 февраля. Еще прошу о 1½ фунтѣхъ рад: валеріа магно. Я предъ сямъ имѣлъ смѣлость писать къ вашему сіятельству 9 Окт. 10 Ноября и 10 Генваря. »

По всему вѣроятію Шуваловъ же обратилъ вниманіе государыни на бывшаго императора Пвана Антоновича: есть пзвѣстіе, что его привозилъ въ Петербургъ въ домъ Ивана Пвановича (1756), и что Елизавета Петровна видѣлась съ несчастнымъ своимъ предшественникомъ. Мы не говоримъ уже о такъ называемой отгнѣнъ смертной казни, хотя изданіе этого узаконенія тоже приписывается благимъ внушеніямъ и напоминаніямъ молодого царедворца (30).

Но главная заслуга Шувалова передъ потомствомъ заключается въ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ наукамъ и вообще образованію. Если даже предположить, что славобліе руководило имъ на этомъ поприщѣ, что ему просто хотѣлось прослыть меценатомъ, какъ отзывается о немъ княгиня Даншова (31), то и въ этомъ случаѣ подобное желаніе, и особливо въ то время, заслуживаетъ полнаго уваженія. Только въ высокой душѣ возникаетъ такого рода честолюбіе. Но Шуваловъ любилъ науки со всею искренностію прекрасной души своей. Притворяться цѣлой вѣкъ невозможно, а онъ всегда, до конца жизни, посвящалъ свои досуги чтенію, окружалъ себя книгами, картинами, статуями, бесѣдовалъ съ учеными и художниками, радовался успѣхамъ Русскихъ въ дѣлѣ словесности и наукъ. Отъ великолѣпныхъ пировъ Елизаветина времени, отъ придворныхъ дежурствъ, отъ политическихъ преній и засѣданій въ министерской конференціи, молодой царедворецъ, въ полиномъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, осыпанный дарами природы и счастья, любилъ отдыхать за книгами, въ бесѣдахъ съ академиками, съ великимъ Ломоносовымъ.

Пзвѣтность Ломоносова была уже упрочена, когда Шуваловъ получилъ сплу при дворѣ. Тогда Ломоносовъ уже ставилъ своею «Реторикою» (1748), «Похвальнымъ словомъ императрицѣ Елизаветѣ» (1749) и многими одами. Написаны были ода, начинающаяся словами: «Царей и царствъ земныхъ отрада» (1747), и другая «Заря

(30) См. Бант. Каменскаго въ біографіи гр. П. П. Шувалова и объясненія на соч. Державина. стр. 47.

(31) См. Москвит. 1844 № 1, стр. 102.

багряною рукою», приводившія въ восторгъ нашихъ дѣдовъ и отцевъ. Образованнѣйшіе люди того времени заучивали наизусть строфы Ломоносова, любясь доселѣ неслыханнымъ сочетаніемъ звуковъ роднаго слова. Мы имѣемъ любопытное о томъ свидѣтельство, правда, относящееся ко времени, нѣсколько позднѣйшему, но вполне характеристическое. Учитель великаго князя Павла Петровича, Порошинъ рассказываетъ, что однажды онъ читалъ наизусть ученику своему заключительныя строфы пятой оды Ломоносова (на бракосочетаніе в. к. Петра Осдоровича и в. к. Екатерины Алексѣевны, 1745 года). Великій князь—замѣчаетъ Порошинъ—очень внимательно изволилъ слушать и сказалъ мнѣ: «Ужестъ какъ хорошо, это нашъ Вольтеръ.» Великому князю было тогда 11 лѣтъ; этотъ отзывъ конечно слышалъ онъ отъ графа Пашина, своего воспитателя, и другихъ окружавшихъ его лицъ. Въ другомъ мѣстѣ записокъ Порошина читаемъ: «Разговорилсъ мы о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я его высочеству, какъ принимать ихъ и какое почтеніе отдавать имъ должно, для ободренія наукъ и покровительства» (32). Такъ вообще тогда думали. Образованность шла впередъ; сцена Тредьяковскаго съ Вольтеромъ уже не могла повториться. Первые люди въ государствѣ, графы Воронцовы, графъ П. П. Шуваловъ, графъ К. Г. Разумовскій, покровительствовали или считали приличнымъ и нужнымъ покровительствовать Ломоносову. Они принимали его къ себѣ, уважая его таланты и труды; но покровительство ихъ было болѣе или менѣе официальное, безъ внимательной оцѣнки, безъ искренняго участія. Въ одномъ П. П. Шуваловѣ Ломоносовъ нашелъ себѣ истиннаго цѣнителя, истиннаго, какъ тогда говорили, патрона, и это отъ того, что Шуваловъ самъ занимался науками и могъ вполне постигать заслуги великаго человѣка; онъ не только радовался новымъ пріобрѣтеніямъ науки и русскаго слова, но внимательно слѣдилъ за трудами Ломоносова, выискалъ въ нихъ подробно, поощрялъ къ дальнѣйшему, оказывалъ всякую помощь, постоянно ободряя, поддерживая и въ тоже время требуя отчета. Разумѣется, Ломоносовъ это чувствовалъ. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову, жалующься на обратіи своихъ, онъ говоритъ, что они воспользовались ученіемъ для того только, «чтобы отворить себѣ путь ко счастью, а науки почти со-

(32) Записки Порошина, стр. 469 и 195.

всѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или ничего не спрашиваютъ, и не какъ ваше превосходительство въ разсужденіи меня дѣль требуете» (33). Или, въ посвященіи Шувалову поэмы «Петръ Великій», Ломоносовъ такъ выражается:

И многи, и сія дана тебѣ доброта,
 Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
 Природный видишь твой и просвѣщенный умъ,
 Гдѣ мысли важныя, и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
 Миѣ нуженъ твоего разсудокъ тонкой слуха,
 Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
 Когда подъ бременемъ попкину утомленъ,
 Вниманіемъ твоимъ возстану ободренъ.

Шуваловъ познакомился лично съ Ломоносовымъ, вѣроятно, еще будучи пажемъ, когда онъ продолжалъ начатое въ Москвѣ ученіе; можетъ быть и учился онъ по его Реторикѣ (1748). Близкія сношенія ихъ, сколько извѣстно по печатнымъ указаніямъ, начинаются съ 1750 года, т. е. именно съ тѣхъ поръ, когда Шуваловъ получилъ значеніе при дворѣ: ему тогда было 23, Ломоносову 39 лѣтъ. Молодой царедворецъ немедленно воспользовался своимъ возвышеніемъ для того, чтобъ обратить милостивое вниманіе государыни на гениальнаго человѣка. Въ концѣ лѣта 1750 года, Елизавета Петровна отправлялась изъ Петербурга въ Царское село. Шуваловъ поѣхалъ туда же. Еще до отъѣзда его Ломоносовъ послалъ къ нему (18 Августа) письмо въ стихахъ, гдѣ между прочимъ говорилъ:

Чертоги свѣтлыя, блистаніе металловъ
 Оставивъ, на поля спѣшитъ Елизаветъ;
 Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ,
 Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтетъ,
 Гдѣ хитрость мастерства, преодолевъ природу,
 Осенимъ днѣмъ даетъ весны прекрасной видъ,
 И принуждастъ вверхъ скакать высоко воду,
 Хотя ей тягость въ низъ и жидкость течь велитъ.
 Толь многи радости, толь разныя утѣхи
 Не могутъ отъ тебя парнасскихъ горъ закрытьъ.
 Тебѣ пріятны коль Россійскихъ музъ успѣхи,
 То можно пзъ твоей любви къ нимъ заключить.

(33) Письмо отъ 31 Мая 1753 года.

Ты, будучи въ мѣстахъ, гдѣ нѣжность обитаетъ,
 Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
 Воспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ,
 Воспомяни мое раченье и труды.
 Межь стѣны и при огнѣ лишь только обращаюсь;
 Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
 О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
 И радости въ одномъ мечтаніи пишу.

«Чтобы ободрить Ломоносова — рассказывалъ впоследствии Шуваловъ — я взялъ его съ собою въ Царское Село » (34). Велѣдъ за этимъ Ломоносовъ написалъ оду « въ которой ея величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость въ Царскомъ Селѣ, Августа 27 дня, 1750 года. » Въ этой одѣ описана рѣка Славянка, охота императрицы по царско-сельскимъ лѣсамъ, тамоншія сооруженія и проч. Въ чемъ именно заключалась высочайшая милость, неизвѣстно. Кажется, что Шуваловъ представлялъ Ломоносова государынѣ. Если не ошибаемся, въ это время поставлена была на сцену придворнаго театра трагедія Ломоносова въ стихахъ: *Тамира и Селимъ* или, какъ тогда говорили, *трагедія о Мамай* (Мамай—одно изъ главныхъ лицъ въ этой трагедіи). « Поздравляю васъ — писалъ Ломоносовъ къ Шувалову — съ пріѣздомъ въ прекрасное Сарское село, въ которое я отсюда какъ въ рай мыслиюъ взираю, и завидую Тамирѣ, что она щастливѣе своего сочинителя, за тѣмъ, что предстанетъ безъ него предъ очю великія монархини, въ томъ пріятнѣйшемъ мѣстѣ, которое отъ него усердными похвалами возвышено » (35).

Съ этихъ поръ сношенія Ломоносова съ Шуваловымъ не прекращались. Ломоносовъ представлялъ ему на судъ свои сочиненія, безпрестанно былъ приглашаемъ къ нему, переписывался съ нимъ во время его отлучекъ на дачу, которую онъ имѣлъ по Петергофской дорогѣ (гдѣ императрица не рѣдко у него ужинала), въ Петергофъ, Царское село и другія окрестности Петербурга, такъ часто посѣщаемы Елизаветою Петровною. Къ сожалѣнію, отвѣтныхъ писемъ Шувалова мы не имѣемъ. Изъ уцѣлѣвшихъ писемъ Ломоносова видно, что лѣтомъ слѣдующаго 1751 года онъ посылалъ Шувалову эллогу подъ названіемъ *Зима*, сочиненіе ученика своего Поновскаго, которому онъ

(34) Записки Тимковскаго, стр. 60.

(35) Полн. Собр. Соч. Ломоносова, Спб. 1803 г. ч. I, стр. 342—343.

давалъ на дому у себя уроки въ росіейскомъ стихотворствѣ; въ Септѣбрѣ того же года онъ посылаетъ Шувалову свое стихотвореніе на спускъ корабля Златоуста, увѣдомляетъ объ окончаніи трагедіи Демофонтъ, и о составленіи плана Россійской Исторіи. Живя въ Петербургѣ, Шуваловъ очень часто видался съ Ломоносовымъ. Вельможа и ученый скоро сблизились другъ съ другомъ. Изъ роскошныхъ покоевъ своихъ во дворцѣ (на Невскомъ проспектѣ, близъ Полицейскаго моста) Шуваловъ не рѣдко ѣзжалъ къ Ломоносову въ его скромный домикъ на берегу Мойки (нынѣ принадлежащій Почтамту). «Дай Богъ царство небесное этому доброму боярину—говорила въ 1828 году Свиныну племянница Ломоносова, Матрена Евсеевна Лопатина, нѣкогда жившая въ Петербургѣ съ дядею—мы такъ привыкли къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его раззолоченой каретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что, бывало, и не боимся какъ подъѣдетъ онъ къ крыльцу, и только укажешь ему гдѣ сидитъ Михайло Васильевичъ,—а гайдуковъ своихъ оставлялъ онъ у приворотни» (36). Шуваловъ приглашалъ Ломоносова къ своему столу, и иногда посылалъ къ нему на домъ кушанья и ванитки, какъ видно изъ одного шуточнаго стихотворенія Ломоносова:

Спасибо за грибы, челомъ за апапастъ,

За вина сладкія; я радъ, что не былъ квасъ; *и проч.*

Разсказываютъ, что на одинъ изъ шуваловскихъ обѣдовъ Ломоносовъ явился во французскомъ кафтанѣ съ большими стеклянными пуговицами, какія тогда нашивали. Кто-то изъ гостей замѣтилъ, что стеклянные пуговицы давно уже вышли изъ моды. Ломоносовъ съ обыкновенною своею горячностью и нѣкоторымъ недантствомъ, которое теперь кажется страннымъ, но тогда было въ большомъ ходу, сталъ возражать, что стекляшныя пуговицы лучше металлическихъ, что онъ не перестанетъ носить ихъ изъ уваженія къ стеклу, что сіе послѣднее гораздо лучше металловъ, приносятъ великую пользу и проч. Хозяинъ тотчасъ воспользовался случаемъ и попросилъ Ломоносова изложить все сказанное въ стихахъ (37). Такъ произошло извѣстное письмо о пользѣ стекла:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,

Которыя стекло чтутъ ниже минералловъ, *и проч.*

(36) См. статью Свинына: Потомки и современники Ломоносова, въ Блбл. для Читенія 1834 г. т. II, стр. 214.

(37) См. Москвит 1843 № I, стр. 17—18.

Почисливъ разнообразную пользу оптическихъ стеколъ, Ломоносовъ переходитъ къ любимому предмету своему, распространенію наукъ въ Россіи, къ покровительству, которое оказываетъ пмѣ Елизавета, и заключаетъ письмо слѣдующимъ обращеніемъ къ Шувалову:

А ты, о меценатъ, предстательствомъ предъ нею,
Какой наукамъ путь старасьяся открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрной быть...
Мои поспѣльные и малые труды
Коль часто передъ ней воспоминаешь ты !...

Это писано въ 1752 году въ концѣ котораго императрица со всѣмъ дворомъ снова переселилась на житье въ Москву, гдѣ и пробыла полтора года, до весны 1754 года. Шуваловъ, разумѣется, жилъ также въ Москвѣ (38).

Къ этому времени относится большая часть уцѣлѣвшихъ писемъ Ломоносова къ Шувалову. Изъ нихъ видно, что переписка шла очень дѣятельно, что Шуваловъ писалъ къ Ломоносову немедленно по пріѣздѣ въ Москву (отъ 28 Дек. 1752 г.), и торопилъ его составлять Россійскую Исторію, за которую Ломоносовъ въ то время и принялся. Но отъ исторіи постоянно отвлекали его занятія химіею, физикою и проч. Особенно занимали его тогда мозаичныя работы. Ему хотѣлось непременно завести фабрику, чтобы въ болшихъ размѣрахъ производить свои химическія розысканія, и, конечно благодаря ходатайству Шувалова, дана ему была, высочайшимъ указомъ 14 Дек. 1752 г., 30-лѣтняя привилегія на заведеніе фабрики для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру и стекларусу. Въ Москвѣ Шуваловъ оказалъ Ломоносову еще другую услугу онъ выпросилъ ему у государыни деревню въ 40 душъ, Коровалдай или Уеть-рудницы, недалеко отъ Ораніенбаума (39). Извѣщая его объ этомъ,

(38) Тогда славился въ Москвѣ молодой проповѣдникъ Гедеонъ Криновскій, благодаря Шувалову, переведенный потомъ въ Петербургъ въ придворную церковь (см. Исторію Московской Академіи, соч. С. Смирнова, стр. 126). Вѣроятно черезъ Гедеона Шуваловъ узналъ еще въ Москвѣ будущаго митрополита Платона; онъ покровительствовалъ ему и намѣревался послать его въ Парижъ на свой счетъ, для усовершенствованія въ наукахъ (см. Снегирева, стр. 403).

(39) Любопытно было бы знать, кому именно принадлежитъ эта деревня, въ которой Ломоносовъ устроилъ свой бисерный заводъ, и въ которой проводилъ съ тѣхъ поръ болшую часть времени. Не осталось ли тамъ слѣдовъ великаго дѣятеля? «Я выпросилъ у императрицы ему деревушку въ 40 душъ за Ораніенбаумомъ. Но какъ засѣлъ онъ тамъ, такъ и пропалъ» — рассказывалъ впоследствии Шуваловъ. См. Записки Тимковскаго, стр. 61.

Шуваловъ предостерегаетъ, чтобъ достатокъ и обезпеченное состояніе не отыскли его отъ наукъ. « Высочайшая щедрота несравненныхъ монархій нашихъ, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю—отвѣчалъ Ломоносовъ—можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла.» И въ самомъ дѣлѣ въ одно и тоже время Ломоносовъ приготавлилъ мозаическую картину Полтавскаго сраженія и такой же портретъ императрицы для московскаго университета, на что Шуваловъ отпускалъ ему деньги (40); занимался и электричествомъ, и русскою грамматикою; писалъ похвальное слово Петру Великому, собиралъ матеріалы для русской исторіи. Все это составляетъ главное содержаніе его писемъ къ Шувалову въ Москву ссоры съ академиками, разумеется, также были предметомъ переписки. Къ этому же времени относится и прекрасное письмо о смерти Рихмана; къ сожалѣнію неизвѣстно, успѣлъ ли Шуваловъ выхлопотать пенсію семейству убитаго громомъ профессора. Видно, что и Ломоносовъ оказывалъ своему покровителю нѣкоторыя услуги такъ онъ собиралъ для него въ Петербургѣ примѣчанія къ академическимъ Вѣдомостямъ прежнихъ годовъ, которыя за чѣмъ-то понадобились Шувалову, и которыхъ онъ не могъ отыскать въ Москвѣ (41). Въ письмѣ отъ 31 Мая 1753 года читаемъ: « Въ домѣ вашего превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолоковъ, ни лѣсницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностью. Электрическіе шары по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ, какъ возможно. Я могу увѣрить ваше превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость: такъ что я для дѣла-

(40) Кончены ли были эти работы и гдѣ онъ теперь, неизвѣстно. Въ московскомъ университетѣ сохранилась мозаическая работа Ломоносова, но не портретъ Елизаветы, а образъ Бога Саваоа, находящійся въ актовомъ залѣ. Что Шуваловъ давалъ Ломоносову деньги на покупку матеріаловъ для императрицына портрета, видно изъ неизданныхъ бумагъ его, которыя намъ случилось видѣть въ коняхъ у академика Погодина. Тамъ между прочимъ находятся 5 весьма любопытныхъ писемъ Ломоносова къ Н. И. Шувалову (въ періодъ времени отъ 1 Ноября 1753 г. по 17 Апрѣля 1760); изъ нихъ видно такъ же, что Ломоносову хотѣлось, чтобъ въ Академіи была учреждена и поручена ему должность вице-президента. Въ этихъ же бумагахъ находится краткая записка Ломоносова о нашемъ духовенствѣ.

(41) См. письмо отъ 3 Января 1754 г. изъ Устьруднѣ.

нія себѣ электрической машины не токмо гдѣ найдѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать.» *и проч.*

Домъ Шувалова, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, находился на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Садовой. Въ немъ впоследствии давалъ онъ блестящія балы. Императрица не разъ ѣздила туда на обѣды и поздніе ужины (42). Онъ былъ совершенно отдѣланъ въ 1754 г. къ пріѣзду хозяина изъ Москвы, и 24 Октября Шуваловъ открылъ его для публики великолѣпнымъ маскарадомъ, который описанъ въ стихахъ Ломоносова:

Европа что родитъ, что протчи части свѣта,
 Что осень, что зима, весна и кротость лѣта,
 Что воздухъ и земля, что море и лѣса:
 Все было у тебя, довольство и краса.
 Вчера я видѣлъ все, и нынѣ вижу духомъ,
 Музыку, громъ и трескъ еще внимаю слухомъ, *и проч.*

Въ то время былъ у насъ другой стихотворецъ, какъ теперь мы знаемъ, далеко во всемъ уступавшій Ломоносову, но тогда пользовавшійся общемо извѣстностью и славою. Дворянское происхожденіе, родство и связи при дворѣ, острога и живость ума открывали ему доступъ въ лучшіе петербургскіе дома и даже во дворецъ. Мы говоримъ о Сумароковѣ, который также весьма часто посѣщалъ Шувалова. Иванъ Пвановичъ любилъ сводить его съ Ломоносовымъ и слушать ихъ споры, не рѣдко слишкомъ запальчивые. Вотъ разсказъ о томъ самого Шувалова: «Отъ споровъ и криковъ о языкѣ они доходили до преимуществъ съ одной стороны лирическаго и эпическаго, съ другой драматическаго рода, а собственно каждый своего, и такіа распри оштралились иногда на приносимыя книги съ текстами. Въ спорахъ же, чѣмъ болѣе Сумароковъ злился, тѣмъ болѣе Ломоносовъ язвиль его; и если оба не советмъ были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, такъ что я бывалъ принужденъ высылать ихъ или обоихъ, или чаще Сумарокова.

(42) Такъ на пр. въ 1756 году государыня ужинала у Шувалова 21 Февраля и 27 Мая; 11 Сент. обѣдала; въ 1757 году 7 Февр. ужинала, 31 Юли провела вечеръ на дачѣ его по петергофской дорогѣ; въ 1758 г. 24 Сент. обѣдала; въ 1759 г. 4 Генв. оставалась у него до 3-го часу по полуночи, 28 Янв. до 6-го часу утра, 17 Юля ѣздила къ нему на дачу, 1 Окляря, въ день его рожденія, пробыла у него въ домѣ до 5-го часу ночи, и проч.

Если же Ломоносовъ занесется въ своихъ жалобахъ, то я посылаю за Сумароковымъ, а съ тѣмъ, ожидая, заведу рѣчь объ немъ. Сумароковъ, услышавъ у дверей что Ломоносовъ здѣсь, или уходитъ, или подслушавъ, вбѣгаетъ съ крикомъ « Не вѣрьте ему, ваше превосходительство, онъ все лжетъ; удивляюсь, какъ вы даете у себя мѣсто такому пьяницѣ, негодяю. — Самъ ты подлець, пьяница, неучъ, подл школой учился, сцены твои краденныя!» — «Но иногда, замѣчаетъ Шуваловъ, мнѣ удавалось примирить ихъ, и тогда оба были очень пріятны» (43).

Примиреніе однако не легко удавалось. Свидѣтельствомъ служить слѣд. письмо Ломоносова къ своему меценату « Никто въ жизни меня больше не изобидилъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т. е. сдѣлай смѣхъ и позоръ... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показала я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, не смотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Высшняго, Который мнѣ былъ въ жизнь защитникъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшіе дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ.— Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самаго Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметь... Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россію, ежели мое къ вамъ усердіе не печезло въ памяти, поетарайтесь о скоромъ исполненіи въ моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеніяхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣлочномъ дѣлѣ, позабудьте» (44).

Вообще съ Ломоносовымъ иногда трудно было ладить. Разъ, раздосадованный его безпрестанными ссорами съ академиками, Шуваловъ сказалъ ему сердито « Мы отставимъ тебя отъ Академіи.»

(43) См. Записки Тимковского, стр. 60.

(44) Письмо отъ 19 Генв. 1761 г., впервые обнаружено Погодинымъ въ Альманахѣ *Уранія*, 1826 года.

—«Нѣтъ, возразилъ тотъ , развѣ Академію отставите отъ меня». Конечно все это было несприятно Шувалову , особливо потому что , заступаясь за Ломоносова , онъ могъ входить въ столкновение съ непосредственнымъ начальникомъ Академіи , графомъ К. Г. Разумовскимъ , на котораго искусно дѣйствовалъ недоброжелатель Ломоносова Тенловъ. Но къ чести Шувалова надо сказать , что подобныя рѣчи его не раздражали , ибо онъ не только покровительствовалъ Ломоносову , но и глубоко уважалъ его (45).

Сношенія между ними не прерывались. Въ 1760 году Ломоносовъ окончилъ двѣ пѣсни поэмы «Петръ Великій», начатой по вызову Шувалова и для показанія императрицѣ (46). Сочинитель поднесъ ихъ своему меценату въ день его рожденія , 1 Ноября , съ предисловіемъ въ стихахъ:

Начало моего великаго труда
Прими , предстатель музъ , какъ принималъ всегда }
Сложенія мои , любя Россійско слово ,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ миѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья...
И если въ полѣ семъ , прекрасномъ и широкомъ ,
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ;
Цвѣтушимъ младостью останется умамъ ,
Чтò мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родить сыновъ Россіи ,
Лишь были бьъ завсегда защитники такіе ,
Каковъ ты промысломъ въ сей день произведешь ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ...

Ноября 1-го слѣдующаго 1761 года Ломоносовъ подарилъ Шувалова на день рожденія «*Разсужденіемъ о размноженіи и сохраненіи*

(45) Гораздо позднѣе , въ 1779 году , Шуваловъ писалъ къ Хераскову , по полученіи отъ него экземпляра Россіады : « Съ удовольствіемъ и съ жадностію прочиталъ я Россіаду. Чѣмъ васъ за нее благодарить ? Препровождаю къ вамъ начало первой оды въ царствованіи Елизаветы , собственной рука Ломоносова. Этой драгоцѣнности приличіе всего быть въ вашихъ рукахъ. Я люблю музъ , а музы васъ любятъ. » См. Русское Чтеніе Глинки . ч. II , стр. 282 . По всему вѣроятію , Глинка передалъ здѣсь пьесмо Шувалова собственными словами . — Выше приведенный отвѣтъ Ломоносова сообщенъ по преданію , въ 8 № Лиг. Газеты 1830 года .

(46) См. Тимковскаго , стр. 60 .

россійскаго народа». Разсужденіе изложено въ формѣ письма, и изъ начала его видно, что великій ученый намѣревался представить Шувалову (а можетъ быть и представилъ позднѣе) мысли и соображенія свои о важнѣйшихъ государственныхъ и народныхъ вопросахъ, какъ на пр. объ истребленіи праздности въ Россіи, о исправленіи нравовъ и о бѣльшемъ народа просвѣщеніи, о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира, и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что все эти вопросы обсуждался и въ частныхъ разговорахъ академика съ вельможею (47).

Но любимѣйшимъ предметомъ ихъ бесѣдъ конечно было распространеніе наукъ въ Россіи. Этихъ бесѣдамъ Россія обязана основаніемъ Московскаго университета, къ которому теперь и обратимся.

Мысль объ университетѣ въ Москвѣ принадлежала къ общему плану народнаго просвѣщенія, который Шуваловымъ только отчасти приведенъ въ исполненіе. Сколько извѣстно, кромѣ университета, Шуваловъ считалъ нужнымъ, и впоследствии даже предлагалъ правительству, учредить по главнымъ городамъ Россіи гимназіи, въ которыхъ преподавались бы первыя основанія наукъ и *нужныя* европейскіе языки, а по маленькимъ городамъ завести школы для обученія русской грамотѣ, арифметикѣ и пр. (48). Эта мысль о распространеніи образованности во все концы государства конечно занимала позднѣе и князя Потемкина, когда онъ собирался открывать университеты въ Екатеринославѣ, Псковѣ и проч. Заведеніемъ народныхъ училищъ въ 1786 г. она осуществлялась отчасти, и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ приведена была въ исполненіе уже въ настоящемъ столѣтіи. Но Шувалову принадлежитъ честь инициатора. Онъ первый возымѣлъ счастливую мысль начать дѣло народнаго просвѣщенія съ сердца государства, съ Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, ни Академія Наукъ, ни оба существовавшіе въ Петербургѣ Кадетскіе корпуса, Сухонутный (1732) и Морской (1752), не

(47) Упомянутое разсужденіе было напечатано нѣсколько разъ, но съ пропусками; всего же помѣе въ Москвит. 1842 г. № I, стр. 126 — 143. Это лишь одно изъ 8 разсужденій, которыя Ломоносовъ называлъ *мыслями, простирающимися къ приращенію общей пользы*. Остальные 7, можетъ быть, хранятся въ бумагахъ Шувалова, если еін послѣднія уцѣлѣли у его наслѣдниковъ.

(48) См. Исторію Моск. Университета, соч. пр. Шевыревымъ, стр. 54, и также Москвит. 1836, № 7, стр. 313, въ матеріалахъ для исторіи русскаго образованія.

могли удовлетворять требованіямъ времени уже по одному отдаленію столицы отъ внутреннихъ областей: принявъ къ соображенію тогдашніе пути сообщенія, легко представить, какъ тяжело было ѣздить въ Петербургъ. Къ тому же Академія Наукъ состояла преимущественно изъ иностранцевъ, и какъ ни боролся съ нею Ломоносовъ, мало приносила существенной пользы народному просвѣщенію; а оба корпуса были *шляхетные*, т. е. воспитывали только дѣтей изъ дворянскаго сословія. Надлежало воздвигнуть храмъ наукъ во первыхъ внутри Россіи, во вторыхъ для всехъ сословіи.

Пребываніе въ Москвѣ, вѣстѣ съ дворомъ, въ теченіи полугода (съ половины Декабря 1752 г. до половины Мая 1754 г.), по всей вѣроятности, побудило Шувалова ускорить исполненіемъ своего плана, а можетъ быть и самая мысль объ университетѣ пришла ему въ голову въ Москвѣ. Если не ошибаемся, были къ тому два главныя, ближайшія и настоятельныя побужденія. Съ одной стороны, безграмотность въ судахъ и дѣлопроизводствѣ, съ другой, полное отсутствіе необходимыхъ средствъ для обученія молодыхъ людей. О первомъ сохранилось множество свидѣтельствъ въ сатирическихъ произведеніяхъ тогдашней словесности, а пронтекавшее отъ того зло громко высказано въ указахъ, которыми императрица Екатерина начинала свое царствованіе. Не менѣе свидѣтельствъ о недостаткѣ средствъ для обученія. Порошннъ рассказываетъ, что въ Москвѣ къ одному московскому дворянину нанялся въ учителя какой-то Чухонецъ, выдававшій себя за Француза, и выучилъ всехъ дѣтей по чухонски (49). Для Пажескаго Корпуса Шуваловъ выписалъ изъ-за границы 8 человекъ Французовъ-лакеевъ; черезъ нѣсколько времени всѣ они разошлись учителями по частнымъ домамъ. Тогдашній французскій посланникъ при нашемъ дворѣ, Маркизь де Лопиталь принужденъ былъ, для чести Франціи, высылать изъ Россіи толпы французскихъ бродягъ обоюго пола, пріѣзжавшихъ обучать своему языку російское юношество. (50) Все это зло Шуваловъ могъ видѣть во всей наготѣ его во время своего пребыванія въ Москвѣ, которая конечно можетъ почитать первую половину XVIII вѣка своею злополучнѣйшею годиною. Молодой царедворецъ, еще не достигшій 27 лѣтняго возраста, рѣшился воспользоваться своимъ высокимъ положе-

(49) См. Записки Порошина, стр. 256.

(50) См. Ист. Моск. Унив., стр. 38 и др. такъ же Тимков. стр. 62.

ніемъ и поспѣшилъ исполнить на дѣлѣ то, что въ бесѣдахъ и перешекъ его съ Ломоносовымъ являлось въ видѣ смѣлаго плана или прекрасной мечты.

14 Мая, 1754 г., государыня, а за нею и Шуваловъ съ остальнымъ дворомъ, оставили Москву, и прежде чѣмъ переѣхать на житье въ Петербургъ, поселились въ Царскомъ Селѣ. Тутъ началась дѣятельная работа Шувалова. Онъ сочинялъ заниску о необходимости завести въ Москвѣ университетъ и двѣ гимназіи, съ тѣмъ, чтобы въ видѣ донесенія представить ее Правительствующему Сенату; и написавъ ее вчернѣ, послалъ въ Петербургъ, на прочтеніе Ломоносову. Какъ обрадовался сей послѣдній, видно изъ отвѣтнаго его письма къ Шувалову. «Полученнымъ отъ вашего превосходительства черновымъ доношеніемъ Правит. Сенату къ великой моей радости я увѣрился, что объявленное мнѣ словесно предпріятіе подлинно въ дѣйство произвести намѣрился къ приращенію наукъ, слѣдовательно къ петиншій пользѣ и славѣ отечества. При семъ случаѣ довольно я вѣдаю, сколь много природное ваше несравненное дарованіе служить можетъ, и многихъ книгъ чтеніе способствовать. Однако и тѣхъ совѣтъ в. прев-у небезполезенъ будетъ, которые сверхъ того университеты не токмо видали, но и въ нихъ нѣсколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ учрежденіе, узаконенія, обряды и обыкновенія въ умѣ ихъ ясно и живо, какъ на картинѣ, представляются. Того ради, ежели Московскій Университетъ по примѣру иностранныхъ учредить намѣряется, что весьма справедливо, то желалъ бы я видѣть планъ вами сочиненной.» Вслѣдъ за этимъ Ломоносовъ предлагаетъ свое мнѣніе о необходимости основать университетъ въ широкихъ размѣрахъ, учредить при немъ гимназію, и о числѣ профессоровъ. Касательно послѣдняго Шуваловъ вполне принялъ списокъ, предложенный Ломоносовымъ, съ тою только разницею, что для преподаванія краснорѣчія и поэзіи, также исторіи и древностей назначено было только два профессора, тогда какъ Ломоносову хотѣлось, чтобы каждый изъ этихъ предметовъ былъ преподаваемъ особымъ лицомъ. Въ списокъ Ломоносова профессоръ древностей преподастъ также и критику: Шуваловъ отмѣнилъ сію послѣднюю и поставилъ на мѣсто ея геральдику, которой кажется онъ придавалъ особенное значеніе. (51) Надо думать, что самый пра-

(51) См. Москов. Телегр. 1823 г., № 18.

эктъ или планъ университета, помѣщенный въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, есть произведеніе столько же Шувалова, сколько и Ломоносова, что они сообща трудились надъ нимъ; но нѣтъ никакихъ основаній приписывать его одному Ломоносову, какъ вообще у насъ думаютъ. Мы знаемъ, что по этому предмету у нихъ проходили горячіе споры, подробности которыхъ къ сожалѣнію не сохранились. Извѣстно только главное, именно, что Ломоносову хотѣлось, чтобы новое учебное заведеніе учреждено было по образцу знаменитаго Лейденскаго Университета, съ *несовмѣстными*, какъ выражался Шуваловъ, *вольностями*. Разсуждали также о томъ, у Красныхъ ли воротъ, въ концѣ города, помѣстить университетъ, или въ центрѣ города, у Воскресенскихъ воротъ; содержать ли гимназіи при университетѣ, или учредить ихъ отдѣльно (52). Въ короткое время все было рѣшено; ибо того же 1754 года, 19 Юлія, въ собраніи Правительствующаго Сената Шуваловъ читалъ свои донесеніе и проэктъ учрежденія въ Москвѣ университета. Тутъ было сказано, что «всякое добро проиходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется, что слѣд-о нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрасло въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе.» — Шуваловъ утверждалъ, что съ учрежденіемъ университета всѣ «недостатки въ ученіяхъ исправлены будутъ, и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, наче когда довольно будетъ *національныхъ* достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная ся имп. величества имперія къ разнымъ изобрѣщеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и ко исполненію начатыхъ предпріятій и ко учрежденію впредь по знатнымъ росіійскимъ городамъ росіійскими профессорами училищъ, отъ которыхъ во отдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси петребятся.» Въ проэктѣ съ точностью изложены всѣ подробности учрежденія. Шуваловъ просилъ отъ правительства на университетъ и на двѣ гимназіи всего 10,000 рублей. Съ такими, дажо и по тогдашней цѣнѣ денегъ, ничтожными средствами возникало учебное заведеніе, принесшее столько существенной пользы отечеству! Въ Сенатѣ, разумѣется, не встрѣтилось никакихъ затрудненій. Дѣло пошло обыкновеннымъ порядкомъ на вы-

(52) См. Тимковскаго, стр. 59—60.

сочайшее утверждение, и 12 Генваря, 1755 года, государыня подписала проект Шувалова. Сказываютъ, что Шуваловъ нарочно выбралъ этотъ день для поднесенія государыни проекта; 12 Генваря, на память св. великомученицы Татьяны, была имениница мать его: онъ хотѣлъ обрадовать ее новымъ назначеніемъ своимъ въ должность куратора перваго русскаго университета.

24 Генваря выданъ былъ именной указъ объ учрежденіи университета. Начались приготовленія: въ Москвѣ, у Воскресенскихъ воротъ, очистили бывшій домъ австеріи или трактирнаго заведенія, (нынѣ Губернское Правленіе); изъ Статсъ-конторы выданы деньги, 20,000 руб.; по указанію Ломоносова назначены двое первыхъ русскіхъ профессоровъ, Поповскій и Барсовъ; за границу посланы, чрезъ посредство академика Миллера, письма къ иностраннымъ ученымъ съ приглашеніемъ занять профессорскія должности въ новомъ университетѣ. Наконецъ въ Москву поѣхалъ открывать заведеніе второй его кураторъ, старикъ д. ст. сов. Лаврентій Блаументростъ. Открытіе послѣдовало 26 Апрѣля 1755 года, на другой день праздника коронаціи.

Замѣчательно, что Шуваловъ, названный въ именномъ указѣ *изобрѣтателемъ этого полезнаго дѣла*, не въздлъ въ Москву и не вдалъ университета до самаго 1778 года. Конечно его удерживали въ Петербургѣ придворныя обязанности и постоянное нездоровье государыни. Но это не помѣшало ему исполнять обязанностей куратора. Можно сказать, что до самой смерти Елизаветы Петровны, въ теченіи 7 лѣтъ, Шуваловъ былъ хозяиномъ новаго учрежденія въ полномъ смыслѣ слова. Во все это время онъ занимался университетомъ съ неусышнымъ попеченіемъ. Переписка его съ Москвою приняла самыя обширныя размѣры. Ничто не проходило въ университетѣ и гимназіяхъ безъ его вѣдома: такъ называемые ассессоры университетской конференціи еженедѣльно посылали къ нему подробные отчеты, и безпрестанно получали отъ него разныя распоряженія: въ университетскомъ архивѣ сохранилась книга этихъ распоряженій или, какъ тогда называли, ордеровъ. Дѣло, за которое принялся Шуваловъ, представляло множество затрудненій. Не говоря уже о томъ, что онъ долженъ былъ заочно слѣдить за своимъ учрежденіемъ, вспомнимъ, какихъ трудовъ стоило внести порядокъ въ преподаваніе, когда большая часть преподавателей были иностранцы, не знавшіе по русски, а поступавшіе въ университетъ

студенты едва ли имѣли познанія пинѣнскихъ школьничковъ изъ приходскихъ училищъ. Не рѣдко бывало такъ, что Нѣмецъ—профессоръ читалъ лекцію, а кто нибудь изъ студентовъ, знавшій по нѣмецки, переводилъ слова его на русскій языкъ, для своихъ товарищей. Вспомнимъ признаніе одного изъ первыхъ студентовъ университета, Фонъ-Визина: онъ чистосердечно рассказываетъ, что на экзаменахъ изъ латинскаго языка ученики не знали ни склоненій, ни спряженій, и отвѣчали на вопросы, смотря по тому, за какую пуговицу своего платья брался профессоръ. Ректоръ, учителя, профессора и чиновники конференціи безпрестанно ссорились, и Шуваловъ долженъ былъ разбирать ихъ неудовольствія. Часть хозяйственная представляла, можетъ быть, еще болѣе безпорядковъ. На другой же годъ по основаніи университета расхищены были скудныя суммы, опредѣленныя на его содержаніе и нѣсколько увеличенныя щедростью тогдашняго благодотворителя Демидова: концы были спрятаны, и взыскивать было не съ кого, потому что директоръ университета, Аргамаковъ—умеръ. Денегъ безпрестанно не доставало; завели странный обычай—отдавать ихъ займы подъ проценты частнымъ лицамъ, которые иногда оказывались несостоятельными должниками: университетъ заводилъ тяжбы. Между тѣмъ казенные воспитанники въ гимназіяхъ терпѣли нужду. Все это очень озабочивало Шувалова, къ которому приходило изъ Москвы много жалобъ. Приведемъ здѣсь для образца отрывки изъ ордеровъ его по этому предмету къ директору университета, Мелескино. «Я съ великимъ сожалѣніемъ увидѣлъ изъ присланнаго вами отъ 9 Октября (1757) репорта, что бѣдные ученики столь много претерпѣваютъ нужды, и я о томъ уже къ вашему высокородію писалъ, чтобы сдѣлать распоряженіе, сколько надлежитъ для каждаго ученика въ годъ платья и обуви; ибо вы сами, очевидно нужды ихъ вида, свободнѣе расположить можете, и мнѣ прислать на разсмотрѣніе.» Въ ордеръ отъ 3 Ноября Шуваловъ наставлялъ на томъ же: «Я слышалъ, что не токмо разночинцы, но и благородные ученики (какъ сказываютъ, къ сожалѣнію достойно) великую нужду терять въ платьѣ, обуви и пищѣ. Избѣгая такихъ отъ постороннихъ нареканій, извольте потрудиться сдѣлать для всѣхъ учениковъ, какъ благородныхъ, такъ и разночинцевъ, смѣту во всемъ вышесказанномъ содержаніи, не выключая самой малѣйшей къ ихъ нуждамъ принадлежащей мелочп, и что для издержки на нихъ будетъ годовой всей суммы, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе.»—Есть из-

вѣстіе, что онъ посылалъ въ университетъ собственныя деньги п, чтобъ обезпечить хозяйственную часть, хлопоталъ о пожалованіи университета деревни.

Но постояннымъ и самымъ любимымъ предметомъ заботъ Шувалова было преподаваніе наукъ въ университетъ и гимназіяхъ и распространеніе умственной отъ того пользы. Тутъ онъ выискалъ во всея подробности и трудился неутомимо. Онъ велъ дѣятельную переписку съ иностранными учеными, приглашая ихъ въ Россію для занятія профессорскихъ кафедръ въ Москвѣ: такъ приглашены были профессора, Ростъ изъ Геттингена, Дильтей изъ Вѣны, Рейхель и Келлеръ, ученики знаменитаго въ то время Готшеда, изъ Лейпцига; Шаденъ, будущій наставникъ Карамзина, изъ Тюбингена и проч. Молодыхъ русскихъ людей, окончившихъ ученіе въ университетъ, онъ посылалъ для усовершенствованія за границу: такъ на пр. студенты Зыбелинъ и Веніаминовъ отправлены были въ Кенгсбергъ, въ то время занятый русскими войсками; Третьяковъ и Десницкій въ Шотландію, въ Глазговскій университетъ: все четверо заняли впоследствии профессорскія кафедры въ Москвѣ. Шуваловъ старался неподоволь приготовить для университета русскихъ профессоровъ, и вообще мысль о томъ, чтобы преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, не покидала его; онъ твердо былъ убѣжденъ, что только при этомъ условіи достигалась главная цѣль—успѣшное распространеніе знаній.—Для достиженія этой же цѣли Шуваловъ особенно заботился объ университетской типографіи, которая, если не ошибаемся, была вторая въ Россіи, по времени, изъ гражданскихъ типографій. Мысль объ изданіи Московскихъ Вѣдомостей также принадлежитъ Шувалову. Для нихъ онъ присылалъ нарочно иностранныя книги и газеты, выписывалъ буквы изъ Англіи, хлопоталъ о заведеніи книжной лавки. Заботливость его простиралась до того, что онъ самъ просматривалъ корректурныя листы, которые посылалъ къ нему на первыхъ порахъ учрежденія типографіи (53).

Нужно ли прибавлять, что вся эта обширная дѣятельность носить характеръ необыкновенной снисходительности и доброжелательства? Мягкій нравъ Шувалова никогда не измѣнялся. Онъ дѣйствовалъ не столько властью, сколько постоянствомъ и неутомимостью, держась любимой своей поговорки: *тихонько, мало по малу*. Однихъ толь-

(53.) См. подробности въ исторіи Моск. Унив-та.

ко разъ видимъ примѣръ строгости: студенты, записанные на службу, не занимались ученіемъ, не ходили на лекціи и въ то же время не хотѣли служить, отзываясь лекціями. Шуваловъ потребовалъ себѣ списка ихъ и грозилъ разослать ихъ по мѣстамъ службы. Но и тутъ неизвѣстно, исполнилъ ли онъ эту угрозу. Вообще его больше любили, нежели боялись. Конечно бывали отъ того дурныя послѣдствія, но его выручало высокое положеніе при дворѣ: трудно было не слушаться челоуѣка, покровительствомъ котораго дорожили первые люди въ государствѣ.

Однимъ словомъ, Шувалову принадлежить не столько слава основателя московскаго университета (ибо эту славу онъ раздѣляетъ отчасти съ Ломоносовымъ), сколько слава истиннаго его попечителя. Исторія университета, написанная къ столѣтнему его юбилею С. П. Шевыревымъ, вполне раскрываетъ намъ благотворную его дѣятельность и убѣждаетъ въ той мысли, что безъ Шувалова московскій университетъ не могъ бы существовать. Семь лѣтъ постояннаго и дѣятельнаго надзора были такъ полезны, что впоследствии, когда Шуваловъ уѣхалъ за границу, учрежденіе уже не остановилось на пути преусиженія.

За то университетъ постоянно питалъ къ своему куратору чувство особенной признательности, которая была выражена въ самый день открытія его: устроенная по этому случаю иллюминація представляла Парнасъ, на которомъ Минерва ставила обелискъ въ честь императрицы Елизаветы Петровны; обелискъ окружало множество дѣтей, занимавшихся ученіемъ, и одинъ изъ нихъ чертилъ имя Шувалова. Дни рожденія и именинъ Шувалова, 1-е и 12-е Ноября, праздновались въ университетѣ: за него молились въ эти дни въ церкви. Было намѣреніе, отклоненное конечно самимъ Шуваловымъ, поставить на дворѣ университетскѣмъ колоссальную статую его на глыбѣ темнаго гранита. (54) Личное обращеніе куратора съ пріѣзжавшими въ Петербургъ воспитанниками университета внушало къ нему уваженіе и привязанность. Онъ нарочно выписывалъ иногда къ себѣ изъ Москвы студентовъ и гимназистовъ, и, какъ извѣстно, въ

(54) См. Записки Тимковскаго, Москв. 1851, № 9 и 10, стр. 3. «Хорошо и достойно Москвы—прибавляетъ Тимковскій—когда онъ въ лицѣ павлиномъ, обѣ руку съ гениемъ, предстанетъ взорамъ, и указывая на учрежденіе свое, скажетъ ему: *Tua dona ferentes*. Тысяча голоуовъ, отъ всѣхъ странъ Россіи, могутъ тоже сказать Шувалову.

числѣ спѣхъ послѣднихъ были Потемкинъ и Ф. Визинъ. (55) Вообще, до самой кончины Шувалова, всякій, принадлежавшій къ университету, могъ разсчитывать на покровительство его, пользовался въ его домѣ гостеприимствомъ и назывался своимъ.

Чтобы оцѣнить вполнѣ заслуги Шувалова русскому просвѣщенію, любопытно было бы сравнить его дѣятельность и труды по управленію московскимъ университетомъ съ дѣятельностью другаго, тоже высканнаго счастьемъ царедворца, тоже молодаго человѣка, которому ввѣрено было управленіе высшимъ ученымъ заведеніемъ государства — графа К. Г. Разумовскаго, президента императорской академіи наукъ. Вообще же вспоминая прошедшее, убѣждаемся, что только горячая любовь къ просвѣщенію и истинное желаніе принести пользу отечеству могли заставить заниматься университетомъ и вѣсти частностями его управленія, человѣка, въ цвѣтѣ силъ и здоровья, имѣвшаго столь важное значеніе при дворѣ Елизаветы, гдѣ такъ много было всякаго рода развлеченій и удовольствій.

Болѣе подробное изложеніе трудовъ Шувалова по управленію московскимъ университетомъ читатели найдутъ въ названной выше книгѣ С. П. Шевырева. Мы упомянемъ еще только о томъ, что университетъ скоро началъ приносить общественную пользу: въ 1758 году изъ него возникла казанская гимназія, а за годъ передъ тѣмъ, въ 1757 г., академія художествъ. Та и другая были вполнѣ дѣломъ Шувалова, и основаны, какъ сказано въ указахъ, по доносеніямъ о необходимости ихъ, поступившимъ въ Правительствующій Сенатъ изъ московскаго университета.

Весьма любопытенъ указъ объ учрежденіи академіи художествъ, Ноября 6-го 1757 г. Въ немъ такъ выражена необходимость этой академіи «*Необходимо должно установить Академію Художествъ, которой плоды, когда приведется въ состояніе, не только будутъ славою здѣшней имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные посредственнаго званія, получая великія деньги, обогащаются, возвращаются, не оставя*

(55) Сочиненія Ф. Визина изд. 1830. ч. III. стр. 90—91. «Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ! Онъ спросилъ у меня: чему я учился? «*По латынѣ*», отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латыскаго языка съ великимъ правду сказать, краснорѣчіемъ.»

по сіе время ни одного Русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать... Сія академія будетъ учреждена здѣсь въ С. Петербургѣ, по причинѣ, что лучшіе мастера не хотятъ въ Москву ѣхать, какъ въ надеждѣ имѣть отъ двора работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизни. Для чего онъ дѣйств. камергеръ и кавалеръ и онаго університета кураторъ, надѣясь на милостивое уваженіе сей пользы Правител. Сената, съ однимъ живописцемъ Клеро и рѣзчикомъ Жилетомъ (оба Французской Академіи члены) контрактъ заключить. На содержаніе учителей и учениковъ, такъ и для нанятаго дома, потребно на первые годы 6000 рублей» (56).

Академія возникла изъ учениковъ, которые, по распоряженію Шувалова, нарочно готовились для художествъ въ московской гимназіи. Подробностей объ учрежденіи академіи мы не имѣемъ. Знаемъ только, что она находилась въ вѣдѣніи Шувалова до самаго 1763 года. Впослѣдствіи Шуваловъ постоянно оказывалъ покровительство свое воспитанникамъ ея, первымъ русскимъ художникамъ, архитекторамъ Баженову и Старову; живописцамъ и скульпторамъ, Шубину, Скородумову, Лосенкову, Рокотову, Самоцову и пр. (57). Настоящимъ же устроеніемъ своимъ академія художествъ обязана императрицѣ Екатериной II, которая въ 1763 году совершенно преобразовала ее, и поначеніямъ Н. П. Бецкаго; но честь перваго основанія принадлежитъ Шувалову. — Племянникъ его, кн. О. Н. Голицынъ рассказываетъ, что онъ старался поддерживать дружественныя сношенія между Россією и Францією, между прочимъ чтобы свободнѣе приглашать изъ Парижа художниковъ для академіи, что по всему вѣроятію, и вовлекло его въ сношенія съ французскими писателями. Отъ этихъ сношеній сохранились переписка его съ Гельвеціемъ и письма къ нему Вольтера.

Извѣстный философъ Гельвецій (1715—1771), служившій при дворѣ королевы Маріи Лещинской, особенно славился въ то время своею книгою *Объ умѣ*, которая произвела много шума. Готшедь перевелъ ее на нѣмецкій языкъ; немедленно появились переводы англійскій и итальянскій; сорбонская академія и папа предали ее проклятію. Въ Петербургѣ много толковали о ней, какъ извѣщали о томъ автора

(56) Полное Собраніе Законовъ.

(57) Снегиревъ (стр. 440.) говоритъ, что Шуваловъ самъ вырѣзывалъ на мѣди свой портретъ.

французскій посланикъ при нашемъ дворѣ. Шуваловъ раздѣлялъ общее увлеченіе и завелъ съ Гельвеціемъ, жившимъ тогда въ деревнѣ своей Ворѣ, переписку, любопытную во многихъ отношеніяхъ.

«Вы приобрѣли столь справедливо всеобщее уваженіе — писалъ Шуваловъ къ Гельвецію — что не должны удвляться, получая изъ странъ самыхъ отдаленныхъ знаки заслуженнаго вамъ почтенія. Вашъ превосходный геній, производя въ другихъ впечатлѣнія, кажется, хочетъ раздѣлить съ нами тѣ преимущества, которыми природа васъ одарила. Развивая ваши познанія, она также развернула и наши. Вы стяжали право, м. г., на всеобщую признательность. Я не имѣю чести быть знакомъ съ вами; но почталь бы себя неблагодарнымъ, если бѣ, прочитавъ ваше безсмертное сочиненіе *Объ умѣ*, не благодарилъ знаменитаго сочинителя, какъ своего наставника, за ту пользу, которую извлекъ я изъ онаго. Я призналъ бы себя счастливымъ, когда бы мое уваженіе къ вашимъ познаніямъ предупредило васъ въ пользу народа, къ несчастію, прослыившаго у многихъ варварскимъ. Самое сильное доказательство, м. г., вашихъ благопріятныхъ для меня мыслей было бы доставленіе мнѣ случая, хотя нѣсколько быть для васъ полезнымъ въ моемъ отечествѣ, и тѣмъ доказать отличное къ вамъ почтеніе, съ коимъ и проч.»

Въ Вѣстникѣ Европы (1826, № 7), откуда мы заимствуемъ это и слѣдующія письма, прибавлено отъ редактора «Послѣдствія показали, что къ людямъ, каковъ Гельвецій, не слѣдовало имѣть ни довѣренности, ни вниманія.» До какой степени справедливъ этотъ приговоръ предоставляемъ рѣшить другимъ; намъ кажется, что нельзя обвинять Шувалова за такое уваженіе къ знаменитому философу и его собратіямъ, которые были, или по крайней мѣрѣ казались, передовыми людьми вѣка. Стоить вспомнить, что нѣсколько лѣтъ спустя, одного изъ ихъ императрица Екатерина приглашала въ наставники къ своему сыну.

Въ то время, когда слава русскаго оружія гремѣла въ Европѣ, когда войска наши завоевали всю восточную Пруссію, одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ первымъ полководцемъ вѣка, особенно лестно было получить такое предупредительное письмо изъ дворца Елизаветы, отъ перваго русскаго вельможи. Послушаемъ, чтѣ отвѣчалъ Гельвеціи Шувалову, котораго онъ, по незнацію, называетъ председателемъ С. петербургской академіи.

« Не останавливаясь, м. г., на лестныхъ для моего самолюбія

выраженіяхъ въ письмѣ вашемъ , я поздравляю васъ , поздравляю вашихъ соотечественниковъ съ тою просвѣщенною ревностью , которую вы оказываете къ успѣхамъ наукъ и дарованіи. Есть люди, которыхъ Небо производитъ для возвышенія духа и характера народнаго и для основанія будущей его славы. Царь началъ то , что вы теперь довершаете. И такъ , чтобы привести въ движеніе цѣлую массу великаго народа , надобно многимъ великимъ мужамъ послѣдовать однимъ за другими. Государь безъ сомнѣнія имѣеть болѣе средствъ возбудить соревнованіе нежели вельможа самый могущественный. Но превосходный умъ въ такомъ человѣкѣ , какъ вы , допояляетъ недостатокъ въ средствахъ. Вы соединяете въ себѣ всѣ дары судьбы , раздѣляя со множествомъ другихъ вельможъ преимущества происхожденія , почестей и богатствъ ; одна только любовь къ славѣ можетъ васъ отъ нихъ отличить. Вотъ одно благо , котораго вамъ желать остается : оно есть достойнѣйшая награда души возвышенной ; потому что сія награда всегда бываетъ залогомъ всеобщей признательности. Слава многихъ могущественнѣйшихъ народовъ погребена подъ развалинами ихъ столицъ. Можетъ статься , русскій Римъ будетъ вамъ обязанъ своимъ существованіемъ и тогда , когда время разрушить его могущество. Еслибъ Греки только покорили Азію , имя ихъ было бы теперь забытымъ. Данью нашего удивленія и признательности къ нимъ они обязаны памятникамъ , которые воздвигали наукамъ и искусствамъ. Мы еще раздѣляемъ почести , возданныя изящными геніями Рима благотворительности Мецената и Августа. Ей-то одолжены мы бессмертными твореніями Горачія и Виргилія. По слѣдамъ ихъ пойдете вы , ободряя въ своемъ отечествѣ ученыхъ. Да не оставитъ генія въ его полетѣ суевѣріе ! Чтò опаснаго въ наукахъ ? Самыя заблужденія не рѣдко извлекали свѣтъ изъ нѣдръ мрака. Однѣ заблужденія , освящаемыя суевѣріемъ , посѣвали раздоры и крамолы.

Изъ письма , которымъ ваше превосходительство меня удостоилъ , я замѣтилъ , что вы нѣсколько сомнѣваетесь въ успѣхѣ своихъ стараній ; и это сомнѣніе , можетъ быть , основывается на трудности даровать нѣкоторую свободу вашимъ писателямъ. Она необходима. Съ ногами скованными не ходятъ скоро , но пресмыкаются.

Деньгами не всегда можно произвести великихъ людей въ наукахъ и искусствахъ. Часто въ изобиліи цѣпенѣтъ геніи ; богачъ гаситъ въ наслажденіяхъ любовь къ славѣ. Ученыя заслуги должно

награждать почестями и отличіями. Тщеславіе, обращенное въ средство, приводитъ въ дѣйствіе пружины ума; приманка корысти унижаетъ его до подлости. Заслужилъ ли бы Аполлонъ славу и похвалы поэтовъ, еслибъ онъ былъ только божествомъ, и не сходилъ къ Адмету пасти стада и пѣть въ ликѣхъ музъ?...

Почести въ рукахъ государей походятъ на талисманы, которые въ нашихъ сказкахъ Феи дарили своимъ любимцамъ. Сии талисманы теряли свою силу, когда изъ нихъ дѣлали дурное употребленіе.

Еще средство есть тѣснѣе связать русскихъ ученыхъ съ другими просвѣщенными мужами въ Европѣ и возбудить въ нихъ соревнованіе, по примѣру Людовика XIV дѣлая иностранцевъ участниками въ почестяхъ, какія вы предоставляете своимъ соотечественникамъ. Русскій, во Франціи будучи товарищемъ Вольтера, въ Англіи сочленомъ Гюма, любопытствуесть читать ихъ творенія и вскорѣ самъ захочетъ сочинять подобныя. Такимъ-то образомъ распространяется просвѣщеніе и воспламеняется соревнованіе.

Вы видите, ваше превосходительство, что живѣйшее участіе, принимаемое вами въ наукахъ, искусствахъ и вообще въ успѣхахъ ума человѣческаго, перешло и въ мою душу, заставивъ меня говорить объ истинныхъ, вамъ не безызвѣстныхъ; но послѣдняя, въ которой я бы искренно желалъ васъ убѣдить, — это есть уваженіе и глубокое почитаніе, съ коимъ и проч.»

Мы привели письмо это вполнѣ, думая, что читателямъ любопытно узнать, какія наставленія за сто лѣтъ тому назадъ европейскій философъ преподавалъ русскому вельможѣ—меценату. Последнее средство, предлагаемое имъ для распространенія въ Россіи просвѣщенія и бывшее нѣсколько позднѣе въ большомъ ходу, дастъ поводъ догадываться о честолюбіи Гельвеція; можетъ быть онъ отвѣчалъ этимъ на предупредительный вызовъ Шувалова быть для него полезнымъ. Но Шуваловъ видно не могъ или не хотѣлъ доставить ему почестей отъ нашего двора и, кажется, притворился недогадливымъ. Это видно изъ окончанія слѣдующаго, весьма любопытнаго письма его, которое онъ послалъ въ отвѣтъ къ Гельвецію.

« Я получилъ письмо, которымъ вы меня почтили: моя признательность равняется моему къ вамъ уваженію; я былъ бы имъ еще болѣе доволенъ, еслибъ не нашелъ въ немъ похвалъ, не заслуженныхъ мною. Можетъ быть, м. г., кто нибудь, мало меня знающій, представилъ вамъ меня совсѣмъ въ другомъ видѣ; можетъ быть,

почиталъ онъ меня сильнѣе и способнѣе къ совершенію того, чего вы отъ меня ожидаете. Я хочу вамъ изобразить себя въ настоящемъ видѣ, и сперва дать вамъ понятіе о состояніи нашего государства въ отношеніи къ наукамъ и искусствамъ. Петръ I, сотворивъ или преобразовавши все, не имѣлъ послѣ смерти своей послѣдователей въ бѣльшей части своихъ предначертаній и мудрыхъ заведеній. Науки и искусства въ государствѣ нашемъ получили свое начало со времени сего великаго мужа: мы имѣли искусныхъ людей во всѣхъ родахъ. Художники, учившіеся въ Италіи, могли стать на ряду съ хорошими мастерами и дѣлали честь нашему отечеству. Не вниманіе къ ихъ талантамъ и небреженіе о воспитаніи новыхъ художниковъ подавили ростокъ того, что прозрѣло, уничтоживъ столь лестныя ожиданія. Въ послѣдствіи времени первыя мѣста въ государствѣ были заняты иностранцами, которые оставались въ совершенномъ бездѣйствіи касательно сего предмета, — вѣроятно отъ того, что не радѣли о распространеніи наукъ и искусствъ въ странѣ, имъ чуждой, или потому, что ихъ намѣренія не позволяли имъ мыслить и дѣйствовать съ ревностью патріотовъ. Такая небрежность о просвѣщеніи юношества (исключая военную школу, или *кадетскій корпусъ*, основанный въ 1750 году для шести сотъ дворянъ и приготовившій столько хорошихъ офицеровъ) нѣкоторымъ образомъ остановила успѣхи просвѣщенія. Вотъ почему благородная ревность къ ученію совершенно была погашена во многихъ изъ моихъ соотечественниковъ. Столь непріятный для насъ промежутокъ далъ поводъ нѣкоторымъ иностранцамъ несправедливо думать, что отечество наше неспособно производить такихъ людей, какими бы они должны быть: сей предразсудокъ можетъ истребиться однимъ временемъ. Ея императорское величество, слѣдуя по стопамъ великаго Петра, основала московскій университетъ и академію въ С. Петербургѣ, надъ коими я имѣю честь быть начальникомъ. Вотъ, м. г., двѣ только части, въ которыхъ бы я могъ быть полезнымъ своему отечеству, еслибъ мои познанія соответствовали моему ревности. Я чувствую себя ободреннымъ вашими совѣтами еще болѣе буду ободренъ, если вы станете ихъ продолжать. Ваше письмо есть для меня собраніе наставленій; не умѣю выразить, сколь лестна для меня честь и польза вашего знакомства, и еще многихъ другихъ ученыхъ, въ osobности г-на Вольтера, который не перестаетъ изъяслять мнѣ знаки своей дружбы! Какъ бы я почиталъ себя

счастливымъ, м. г., еслпбъ могъ заслужить ваше уваженіе! Ободреніе такого человѣка, какъ вы, для меня гораздо драгоцѣннѣе, нежели то, что получаемъ мы отъ прихотей счастья. Я постараюсь употребить въ пользу ваши мудрыя совѣты. Для меня во всѣхъ отношеніяхъ полезно ваше знакомство; вы же ничего не извлечете изъ моего, кромѣ безпредѣльной признательности и почтенія, съ коими и проч. С. Петербургъ 27 Іюля 1761 года.»

Этимъ, кажется, и заключилась переписка. Сухой умъ Гельвеція и его, если не ошибаемся, нѣсколько педантическій характеръ, видно не пришлись Шувалову по сердцу.

Иное дѣло было съ Вольтеромъ, который умѣлъ въ теченіи долгаго времени занимать Шувалова своими письмами. Ихъ сношенія шли дѣятельно и непрерывно. Шуваловъ принадлежалъ къ числу почитателей знаменитаго фернейскаго отшельника; даже въ послѣдніе годы своей жизни, когда время, обстоятельства и болѣе близкое знакомство съ личностью Вольтера, значительно умалили это почтеніе, онъ не переставалъ цѣнить его блистательный талантъ и не рѣдко зачитывался надъ его сочиненіями. Тимковскій въ запискахъ своихъ рассказываетъ, что однажды (это было въ царствованіе Павла Петровича) онъ вошелъ въ кабинетъ Шувалова и засталъ его за чтеніемъ. «Вотъ какъ не люблю его, бестію, сказалъ Шуваловъ, положи книгу, а пріятно писать.» Тимковскій подошелъ взглянуть на книгу и увидѣлъ: *Essai sur les mœurs etc.* (5^a). Съ другой стороны и Вольтеру очень пріятно было находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ Шуваловымъ. Тогда шла семилѣтняя война, и вниманіе Европы устремлено было на Россію, въ рукахъ которой находился жребій Пруссіи. Испытавъ около этого времени неудачу при дворѣ Станислава Лещинскаго, Вольтеръ съ свойственною ему пылкостью снѣсплъ койдти въ новыя связи съ кѣмъ нибудь изъ значительныхъ лицъ. Такимъ образомъ обѣ стороны готовы были на всякаго рода пзъявленія, и переписка завязалась очень скоро. Къ сожалѣнію отъ нея сохранились только письма Вольтера, отвѣтныхъ же писемъ Шувалова мы не имѣемъ: они хранятся, можетъ быть, у паслѣдниковъ Вольтера, если не совсѣмъ пропали. За то Шуваловъ очень цѣнилъ и берегъ письма философа; уѣзжая за границу, онъ нарочно просилъ сестру свою переслать къ нему *письма Вольтеровы и прочихъ ученыхъ людей*; въ 1797

году, ихъ впадалъ у него въ кабинетъ переплетенными въ особую книгу, in-4°, (59) и еще при жизни Шувалова, эти письма, а вѣроятно же часть ихъ, были напечатаны въ сочиненіяхъ Вольтера (изданіе 1792 года). Но и Вольтеровы письма къ Шувалову сохранились не все; самое полное собраніе ихъ, по свидѣтельству извѣстнаго бібліографа С. Д. Полторацкаго, которому считаемъ долгомъ изъяснить признательность за нѣкоторыя указанія въ настоящемъ трудѣ, находится въ изданіи Вольтеровыхъ сочиненій извѣстнаго бельгійскаго бібліографа *Бѣшо* (Beuchot, 72 тома in-8°, 1829—1841).

Вольтеру давно хотѣлось войти въ ближайшія сношенія съ кѣмъ нибудь изъ значительныхъ лицъ при русскомъ дворѣ. Въ своей исторіи Карла XII, изданной въ 1731 году, онъ долженъ былъ часто касаться Россіи: лице Петра Великаго занимало его воображеніе, и онъ тогда же имѣлъ намѣреніе написать его исторію. Для этой цѣли онъ записывалъ разказы бывшаго польскаго короля, Станислава Лещинскаго и другихъ лицъ, находившихся по чему либо въ сношеніяхъ съ Россіею, читалъ о ней книги, доставалъ записки. Но хорошо зная, что для настоящей исторіи мало имѣть подъ руками однихъ иностранцыя источники, и невозможно полагаться на разнаго рода записки, памфлеты, безыменныя брошюры о Россіи, какія тогда уже появлялись во множествѣ, онъ еще въ 1737 году посылалъ къ Фридриху II, бывшему тогда наследнымъ принцемъ, нѣсколько запросовъ, съ тѣмъ, чтобы получить на нихъ отвѣты изъ Россіи черезъ одного прусскаго агента жившаго въ Петербургѣ. Позднѣе, около 1745 года, Вольтеръ обратился къ французскому послу при нашемъ дворѣ, графу Даліону, съ просьбою доставить ему званіе члена С. петербургской академіи наукъ и доложить русской императрицѣ о его глубокомъ уваженіи къ ея отцу и о намѣреніи написать его исторію, для которой онъ нуждается въ достовѣрныхъ матеріалахъ. Эта попытка, кажется, также не удалась. Однако въ 1748 году, Вольтеръ напечаталъ особою книжкою *Анекдоты о царь Петръ Великомъ*.

Все это конечно было извѣстно И. П. Шувалову, который и рѣшился воспользоваться столь ревностнымъ желаніемъ Вольтера быть русскимъ исторіографомъ. По всей вѣроятности Шуваловъ доложилъ государынѣ, что русское правительство весьма много вы-

(59) Тамъ же и Москвит. 1843, № 10, стр. 31.

играеть въ общественномъ мѣнѣнн, когда лучшей писатель, любимецъ короноващихъ главъ, славный на всѣхъ концахъ Европы, передасть свѣту подвиги ея родителя, которыми сама она такъ гордилась. Это особенно было нужно въ то время, ибо у насъ начиналась война съ Пруссіею; заносчивые отзывы Фридриха II объ Елизаветѣ Петровнѣ разнеслись тогда по всей Европѣ. Можетъ быть по этому поводу и вспомнили у насъ о давнишемъ предложеніи Вольтера. Вообще написанная имъ исторія Петра Великаго должна была служить опроверженіемъ всякаго рода пасквилей на Россію, которыми издавна избилуютъ европейскія литературы. Получивъ согласіе государыни, Шуваловъ принялъ на себя трудъ доставлять Вольтеру нужныя свѣдѣнія и матеріалы и увѣдомилъ его объ этомъ черезъ русскаго послашика при французскомъ дворѣ, графа М. П. Бестужева-Рюмина. Для удобства въ занятіяхъ, Бестужеву приказано было пригласить Вольтера на житье въ Петербургъ; но попятно, что ферейскому философу не захотѣлось промѣнять свой теплый швейцарскій уголокъ на петербургскіе туманы и болоты. Онъ отозвался на лестное предложеніе старостыю (ему было тогда 63 года), и потому рѣшили, чтобъ Шуваловъ посылалъ къ нему матеріалы въ мѣсто его жительства.

Вольтеръ принялся за дѣло съ обыкновенною своею энергіею и горячностію. Получивъ приглашеніе писать исторію въ Февралѣ 1757 года, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Августѣ, уже посылаетъ къ Шувалову 8 главъ своего труда. Это былъ небольшой очеркъ, составленный по иноземнымъ источникамъ. Онъ нарочно написалъ его для того, чтобы Шуваловъ указалъ ему ошибки, дополнилъ и исправилъ. Такимъ образомъ съ самаго начала переписки Вольтеръ отыскалъ поводъ поговорить Шувалову множество любезностей, въ которыхъ по преимуществу и состоятъ всѣ его письма. Такъ онъ величаетъ его архитекторомъ зданія, воздвигаемаго во славу Петра Великаго и его дочери, а себя предоставляетъ честь занимать при этомъ должность каменщика, просить, чтобы Шуваловъ изъ дворца Елизаветы диктовалъ ему исторію Петра Великаго, называетъ себя секретаремъ его, однимъ словомъ щедро расточаетъ передъ нимъ свое необыкновенное искусство лести, которою такъ дорожилъ въ то время. Къ Шувалову можно примѣнить слова Пушкина о Кн. Юсуповѣ, по поводу сношеній съ Вольтеромъ:

Ты лести его вкусилъ земныхъ боговъ напитокъ,

Однако Вольтеръ, по крайней мѣрѣ сначала, не совѣмъ былъ доволенъ новымъ своимъ корреспондентомъ. Онъ принужденъ былъ въ каждомъ письмѣ, и почти цѣлый годъ, повторять свои просьбы о присылкѣ матеріаловъ для исторіи и вообще разнаго рода свѣдѣній. Чтобы ускорить доставленіе сихъ послѣднихъ, онъ приводить всѣ возможные доводы, и между прочимъ настаиваетъ на той мысли, что одною изъ существенныхъ силъ государства всегда было доброе мнѣніе, распространенное о немъ между другими народами (60).

Шуваловъ не могъ скоро удовлетворить желанію Вольтера, и по весьма простой причинѣ. Прошло еще очень не много времени со смерти Петра Великаго; вскрывать государственные архивы и допустить къ нимъ иностранца было еще слишкомъ рано, собираніемъ же общедоступныхъ матеріаловъ тогда никто не занимался. Надо было отыскивать ихъ; но и тутъ требовалось много времени на переводы ихъ съ русскаго языка на французскій. Пока готовлялись эти переводы, Шуваловъ долженъ былъ ограничиться просмотромъ тетрадей Вольтера: онъ сдѣлалъ къ нимъ свои замѣтки, дополненія и показалъ ошибки иностранныхъ источниковъ. Вольтеръ немедленно воспользовался этимъ и прислалъ новую черновую тетрадь съ новыми запросами, на которые Шуваловъ не замедлил отвѣтомъ. Но не прежде 1759 года онъ могъ послать Вольтеру настоящіе матеріалы, которые, сколько извѣстно, на первый разъ состояли изъ журнала Петра Великаго, похвальнаго слова ему Ломоносова, краткаго изложенія камчатской исторіи, сдѣланнаго по вышедшему тогда сочиненію Крашенинникова и некоторыхъ другихъ бумагъ все это переводилось на французскій языкъ подъ непосредственнымъ надзоромъ Шувалова и при содѣйствіи Ломоносова; такъ, по указанію сего послѣдняго, занимался переводами профессоръ академіи Модрахъ, переписывали на бѣло студенты (61). Такого рода переводы и извлеченія постоянно посылались къ Вольтеру. Въ началѣ 1759 года ихъ повезъ къ нему Борисъ Михайловичъ Солтыковъ, воспитаникъ московскаго университета: Шуваловъ послалъ его вмѣстѣ съ другими на житье въ Женеву для усовершенствованія въ наукахъ. Съ

(60) Письмо отъ 24 Іюня 1756 г. «Les médailles sont de trop,» прибавляетъ Вольтеръ.

(61) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 8 Іюня 1759 г.

нимъ же отправлены были и подарки Вольтеру отъ Шувалова: русскіе мѣха и чай (62). Въ отвѣтъ Вольтера, отъ 29 Мая 1759 года изъ Делнса, читаемъ: «На берегахъ Невы и Москвы говорятъ и пишутъ по французски ничѣмъ не хуже Версаля. Я никогда не могу надивиться этому. Но мое удивленіе и вмѣстѣ удовольствіе удвоилось, когда я прочиталъ письмо вашего превосходительства и вступилъ въ бесѣду съ подателемъ онаго, г. Солтыковымъ. Не могу не выразить вамъ моей признательности за прекрасные мѣха и за шиптокъ его китайскаго величества. Теперь, по вашей милости, конечно никто изъ властителей Европы не пьетъ лучшаго чаю и не защищенъ лучше меня отъ холоду. Бумаги и указанія, въ послѣдній разъ вами присланныя, довершаютъ вашу щедрость. Онѣ простираются до 1721 г., но я льщу себя надеждою, что вы почтете меня дальнѣйшими присылками. Употреблю всѣ старанія, чтобы соотвѣтствовать вашимъ заботамъ и намѣреніямъ. Къ зимѣ, если не обманывзетъ меня надежда, буду имѣть честь представить вамъ все сочиненіе».

Дѣйствительно, осенью того же года была написана и даже отпечатана въ Женевѣ первая часть исторіи, до прутскаго похода. Но Вольтеръ не рѣшался пустить ее въ продажу, не узнавъ напередъ, довольны ли ею будутъ въ Петербургѣ, и послалъ ее къ Шувалову, прося въ случаѣ нужды сдѣлать новыя поправки и обѣщаясь перепечатать исправленные листы (63). Шуваловъ отдавалъ ее на разсмотрѣніе Миллеру и Ломоносову, которые, кажется, один и занимались тогда ученымъ образомъ русскою исторіею. Оба они написали разборы вольтеровою книги, къ сожалѣнію не дошедшіе до насъ, кромѣ немногихъ и незначительныхъ замѣтокъ Ломоносова (64). Безъ сомнѣнія замѣчанія ихъ вмѣстѣ съ шуваловскими были посланы въ Ферней для поправокъ: Вольтеръ особенно досадовалъ на Миллера за указаніе ошибокъ въ правописаніи собственныхъ именъ.

(62) Этотъ Солтыковъ нѣсколько лѣтъ былъ литературнымъ агентомъ Шувалова. У Порошина (стр 292) такъ о немъ записано: «Сказывалъ Григорій Николаевичъ (Тепловъ) о Солтыковѣ, который прежде отъ И. И. Шувалова посланъ былъ къ Вольтеру, а потомъ былъ у Григорія Николаевича. О Солтыковѣ сказывалъ онъ, что нишъ отъ себя его отбросилъ за дурнымъ его поведеніемъ». — См. также письма Вольтера отъ 29 Мая, 11 и 22 Ноября 1739 г., отъ 21 Мая (объ отъѣздѣ Солтыкова въ Англію) и 4 Іюня 1762 года.

(63) Письмо отъ 14 Мая 1760 г.

(64) См. Москов. Телегр. 1828, № 6.

Если вѣрить письмамъ Вольтера, то надо признаться, что вообще онъ имѣлъ нѣкоторое право быть недовольнымъ: книга его пробыла въ Петербургѣ около года, а между тѣмъ кто-то успѣлъ похитить его рукопись и напечатать ее: въ Гамбургѣ, Франкфуртѣ и Гагѣ вышли объявленія о выходѣ въ свѣтъ новаго сочиненія Вольтера; пришлось жаловаться и оставивать незаконную продажу (65). Наконецъ изъ Петербурга возвратилась настоящая книга, и Вольтеръ выдалъ ее подъ заглавиемъ: *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'auteur de l'Histoire de Charles XII*. По словамъ сочинителя она имѣла въ два мѣсяца три изданія. Есть извѣстie, что на заглавномъ листкѣ ея была оттиснута медаль, выбитая въ память основанія московскаго университета, что служило знакомъ новой любезности Шувалову (66). Разумѣется, сей послѣдній не оставался въ долгу: нѣсколько разъ посылаемы были къ Вольтеру разные подарки, а по выходѣ въ свѣтъ перваго тома исторiи 2 тысячи червоцевъ. «Мои издержки слишкомъ ничтожны,—отвѣчалъ по этому случаю Вольтеръ, не задолго передъ тѣмъ написавшій еще хвалебные стихи Петру Великому—мои труды вполне пекупаются достоинствомъ предмета, которымъ былъ я занятъ. Миѣ было бы наилучшею наградою—имѣть портреты вашъ и вашей августѣйшей государыни» (67). Ему особенно хотѣлось узнать, какъ приняла его книгу Елизавета Петровна. Онъ безпрестанно намекалъ о томъ Шувалову и видимо думалъ, какъ можно, болѣе угодить ему, расточалъ передъ нимъ льстивыя выраженія, сравнивалъ его съ кардиналомъ Пассионен, посылалъ книги и рукописи въ его библиотечку, какую-то особенную воду для его стола и проч. (68). Приводимъ для образца отрывокъ изъ письма, въ которомъ Вольтеръ извѣщалъ Шувалова объ отправленiи этихъ посылокъ: «Надѣюсь, милостивый государь, что вы получили теперь

(65) См. письма его къ Шувалову отъ 1, 22 Апрѣля, 7 Июня, 2 Авг. и др. 1760 года.

(66) См. статью Снегирева въ Ж. М. Ш. Пр. Перваго изданія Вольтеровою исторiи намъ не удалось видѣть. Въ томъ же 1762 г. извѣстнiй Бюшингъ издалъ въ Гамбургѣ измѣдкiй переводъ ея съ поправками и замѣчанiями, которыя, можетъ быть, принадлежатъ нашему академикъ Миллеру. Тутъ на оборотѣ перваго листка дѣйствительно оттиснута медаль московскаго университета. Эта книжка (въ малую 8) находится въ здѣшней университетской библиотекѣ.

(67) См. письма его къ Шувалову отъ 30 Марта 1761 г.

(68) Письма отъ 26 Августа и 14 Октября 1761 г.

посланное къ вамъ съ вашего позволенія , а именно, первую часть исторіи Петра Великаго, довольно толстую связку книгъ и рукописей и ящикъ съ колладонскою водою , которая составляетъ одно изъ лучшихъ средствъ противъ несваренія желудка и на вкусъ не уступаетъ барбадской водѣ; она пригодится въ случаѣ нужды вашимъ пріятелямъ, ибо относительно васъ , я увѣренъ , что въ число вашихъ добродѣтелей входитъ и воздержность. Ваше превосходительство почтили меня подарками , вполне достойными васъ и двора русскаго. Съ тѣхъ поръ, какъ получилъ я прекрасные мѣха ваши , мнѣ ни по чемъ альпійскіе ситга, которые стоятъ русскихъ. Но дороже всего ваши рукописи; онѣ мнѣ очень будутъ полезны , когда приступлю ко второму тому. Терять времени не слѣдуетъ; лѣта и здоровье поуждаютъ меня торопиться. Хотя Петръ Великій и не довершилъ великихъ предпріятій своихъ , по исторіи его намѣренъ окончить малое дѣло свое.»

Елизавета Петровна въ это время уже была почти постоянно нездорова, и вѣроятно Шуваловъ не находилъ удобнаго случая доложить ей о книгѣ Вольтера. Не получая долго отвѣта, сей послѣдній писалъ къ Шувалову (отъ 10 Янв. 1761 г.): «Я старѣю, здоровье мое плохо, и можетъ статься, что я умру, не докончивъ воздвигаемаго вами зданія. Но мнѣ тяжело будетъ умереть, не узнавъ, почтила ли достойная дочь Петра Великаго благосклоннымъ вниманіемъ своимъ трудъ, совершенный во славу ея родителя. Я льщу себя надеждою, что, благоговѣя передъ его памятыю , она низойдетъ хотя на мгновение съ высоты, на которую возвелъ ее Небо, и поручитъ вашему превосходительству извѣстить меня довольно ли она сколько нибудь моею работою. По крайней мѣрѣ такъ благоволятъ обыкновенно поступать наши государи, даже относительно собственныхъ подданныхъ.»

Безъ сомнѣнія императрица милостиво одобрила книгу Вольтера. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль, которую имѣя въ виду, приглашая Вольтера писать исторію Петра Великаго, достигнута была вполне: сочиненіе его разошлось по Европѣ, и на модномъ языкѣ того времени расточены были похвалы русской имперіи.

Намъ нечего говорить объ настоящихъ достоинствахъ Вольтерова сочиненія. Мы ограничиваемся только указаніемъ тѣхъ сношеній, которыя имѣлъ авторъ исторіи Петра Великаго съ Шуваловымъ и того участія, которое принималъ Шуваловъ въ трудѣ Вольтера. Не можемъ пропустить здѣсь одного замѣчанія Екатерины II. Уже всту-

пивъ на престолъ, въ одномъ письмѣ своемъ къ Вольтеру, она говоритъ, что, если бы ему пришлось, писать исторію Петра Великаго въ ея царствованіе, она доставляла бы ему гораздо больше матеріаловъ. Конечно это сказано не въ упрекъ Шувалову, ибо чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе открывалось новыхъ свѣдѣній, тѣмъ многочисленнѣе становились матеріалы. Изъ писемъ Вольтера видно, что Шуваловъ много работалъ надъ просмотромъ его труда, что сей послѣдній во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ проходилъ чрезъ его цензуру; не говоримъ уже о томъ, что онъ постоянно высылалъ Вольтеру разнаго рода матеріалы, письма Петра Великаго, письма Стампелова Лещинскаго, бумаги о Персидскомъ походѣ и проч. (69).

Второй томъ исторіи, точно также какъ и первый, былъ просмотрѣнъ и дополненъ Шуваловымъ въ черновомъ видѣ. Вольтеръ писалъ его впрочемъ гораздо медленнѣе, нежели первый, будучи отвлекаемъ другою большою работою, изданіемъ сочиненій Корнеля, которыя онъ печаталъ въ Женевѣ съ своими примѣчаніями, въ пользу дочери знаменитаго трагика. Это было великолѣпное изданіе, съ гравюрами. Вольтеръ открылъ на него подписку, и по просьбѣ его императрица Елизавета Петровна и Шуваловъ подписались на нѣсколько экземпляровъ. Въ концѣ 1761 года Вольтеръ съ прежнею ревностью принялся за оставленный трудъ. Въ теченіи осени онъ писалъ къ Шувалову почти каждую недѣлю, испрашивая совѣтовъ, указаній, разрѣшенія своихъ сомнѣній (его особенно затрудняло дѣло царевича Алексѣя Петровича), возражая на замѣчанія и требуя скорѣйшихъ отвѣтовъ.

Но въ это время Шувалову было уже не до Вольтера. Въ жизни и судьбѣ его готовилась рѣшительная перемѣна. Весь конецъ 1761 года болѣзнь императрицы постоянно усиливалась, такъ что не оставалось болѣе надежды на выздоровленіе. Наконецъ совершилось событіе, такъ долго грозившее петербургскому двору рѣшительнымъ переворотомъ: въ день Рождества Христова, послѣ тяжкихъ и мучительныхъ страданій, Елизавета Петровна скончалась на

(69) Подробности заключаются въ письмахъ Вольтера. Любопытно, что въ письмѣ отъ 17 Іюля 1758, передавая Шувалову разныя свои соображенія о Россіи, Вольтеръ останавливается на старинной русской одеждѣ, рисунки которой ему повстрѣчались въ путешествіи Озерія. О кафтанѣ онъ говоритъ: «Je ne peux m'empêcher de regarder cet habillement ancien comme très noble»

53 году отъ роду. Во дворцѣ, въ городѣ, и въ цѣломъ государствѣ произошла рѣшительная перемяна.

Нечего говорить, какъ тяжело было Шувалову оплакивать кончину государыни, которой онъ всегдѣ былъ обязанъ. Къ этому несчастію присоединилась новая семейная утрата: черезъ нѣсколько дней послѣ императрицы (4 Янв. 1762 г.) скончались двоюродный братъ его, графъ Петръ Пвановичъ, главный виновникъ его возвышенія, главный руководитель его въ дѣлахъ государственныхъ и вторая супруга его (ур. кн. Одоевская). Шувалову почти въ одно время пришлось хоронить самыхъ близкихъ людей. Тревоги всякаго рода, неизбѣжныя для царедворца при перемятѣ царствованія, хлопоты по случаю переселенія изъ дворца, гдѣ уже не за чѣмъ ему было жить, наконецъ неизвѣстность будущаго, все это волновало Шувалова. Конечно во все продолженіе его жизни не было для него времени, болѣе тяжкаго.

Князь Ѡ. Н. Голицынъ передаетъ намъ слѣдующую, во все время достойную уваженія черту душевнаго благородства своего дяди. «Императрица—говоритъ онъ—примѣтивъ, что Иванъ Пвановичъ никогда ничего у нея не проситъ, и что даже отъ жалуемой волости, состоящей изъ 6000 душъ, съ благодарностью отказался, изволила ему приготовить у себя въ ночивальной въ сундукъ премножество золота какъ слитками, такъ и монетою. За нѣсколько времени до кончины, она ему объ ономъ сказала, и приказала перенести сундукъ въ его покои, гдѣ онъ и стоялъ до самой ея кончины. Какъ же скоро государь Петръ III воцарился, Шуваловъ, ему объ томъ объявивъ, поднесъ ему ключъ, и просилъ, чтобъ его взять. Сей рѣдкій поступокъ тѣмъ наче достоинъ великой похвалы, что Шуваловъ имѣлъ самое посредственное состояніе. Послѣ кончины своей августѣйшей благодѣтельница, у него осталось нѣсколько денегъ, а деревень ни одной не прибавилъ во время своего двѣнадцатилѣтняго случая. На сіи деньги онъ купилъ двѣ тысячи душъ.»

Уже одинъ этотъ поступокъ долженъ былъ расположить новаго императора въ пользу Шувалова. Но и безъ того Иванъ Пвановичъ имѣлъ полное право надѣяться на милостивое вниманіе государя. Какъ извѣстно, въ предыдущее царствованіе между императрицею и ея наследникомъ не всегда сохранялось доброе согласіе. «Обстоятельства представлялись иногда самыя трудныя—разсказываетъ кн. Ѡ. Н. Голицынъ—и Иванъ Пвановичъ часто мнѣ самъ говорилъ, что онъ удивляется теперь, какъ онъ могъ иногда смяг-

чать и прекращать нѣкоторымъ образомъ встрѣчающіяся неудовольствія между обоими дворами. Таковое посредничество требовало не только отменной ловкости, но и при самомъ чистосердечномъ усердіи могло бы навлечь нѣкоторое на него подозрѣніе; но сіи высокія особы столь увѣрены были въ его безпристрастїи и правдивости, что ни мало въ немъ не сумнѣвались.» Петръ Ѳедоровичъ, будучи великимъ княземъ, не рѣдко посѣщалъ Шувалова въ его дворцовыхъ покояхъ и оставался у него подолгу. Есть извѣстіе, что однажды онъ обращался къ Шувалову съ просьбою ходатайствовать передъ императрицею объ уплатѣ его долговъ. Отъ природы милостивый, онъ вспомнилъ объ этомъ по вступленіи своемъ на престолъ, назначилъ Шувалова своимъ преемникомъ въ почетномъ званіи директора Сухонутнаго кадетскаго корпуса, и захотѣлъ публично выразить ему благоволеніе свое. Приказать Шувалову прїѣхать въ назначенный часъ въ корпусъ, самъ онъ нарочно прїбылъ туда ранѣе, поставилъ всѣхъ кадетъ въ строй, и держа въ рукѣ свисокъ, дождался Шувалова. Какъ скоро прїѣхалъ сей послѣдній, государь взялъ эпантонъ, ведемъ фрунтомъ отдалъ ему честь и поднесъ рапортъ. Это было великою почестью, особливо въ те время.

Но Шуваловъ понималъ, что случай его прошелъ безвозвратно. Ему тяжело было оставаться при дворѣ, среди новыхъ лицъ, при новыхъ, весьма ненадежныхъ, отношеніяхъ. Онъ не имѣлъ довольно честолюбія, чтобы стараться о поддержаніи своего значенія, и тотчасъ же по смерти Елизаветы Петровны рѣшился отстать отъ двора, чтобы вполне предаться спокойной, независимой жизни и любимымъ своимъ занятіямъ науками, искусствами и словесностью. Безъ сомнѣнія давно ему хотѣлось побывать въ чужихъ краяхъ. Теперь представлялось для того свободное время. «Ваше намѣреніе исключительно посвятить себя наукамъ — писалъ къ нему Вольтеръ отъ 15 Марта 1762 г.— вполне достойно философа. Вы будете новымъ Анахарисомъ. Но возымѣвъ столь благородное и мудрое намѣреніе, отчего не хотите вы поступить, какъ поступилъ Анахарисъ? Отчего вы не путешествуете? Впрочемъ я говорю эгоистически: въ этомъ случаѣ можетъ быть придется мнѣ увидать васъ, и я буду имѣть счастье бесѣдовать съ человѣкомъ, котораго письма доставили мнѣ столько удовольствія... Старость не дозволяетъ мнѣ ѣхать къ вамъ; вы же молоды, и благорастворенный климатъ укрѣпитъ ваше здоровье, если оно сколько нибудь ослабѣло... Вы такъ хвалите

царствующаго императора; я желаю ему многихъ лѣтъ, какъ желалъ покойной государынѣ, смерть которой оплакиваю. Онъ и супруга его должны жить долго, потому что живутъ для блага людей. Безъ сомнѣнія они удерживаютъ васъ въ Петербургѣ.» Не переставая напоминать Шувалову о поѣздкѣ въ чужіе края, Вольтеръ писалъ (отъ 21 Мая того же года): «Вамъ слѣдуетъ подражать Петру Великому и отправиться въ путешествіе. Конечно вы не сомнѣваетесь въ отличномъ приѣмѣ, который всюду ожидаетъ васъ, и котораго вы достойны. Ваше путешествіе будетъ постояннымъ торжествомъ, и еще болѣе возвеличитъ вашу родину, ибо Европа увидитъ челоуѣка, отличныхъ свойствъ, украшеннаго познаніями, и какъ бы созданнаго для того, чтобы блистать при всѣхъ дворахъ. Я былъ бы очень радъ, если бы вы опредѣлились куда нибудь посланникомъ: это сократило бы находящееся между нами пространство, и не смотря на всѣ болѣзни мои, я посвѣшилъ бы доставить себѣ утѣшеніе личной бесѣды съ вашимъ превосходительствомъ.

Должности посланника конечно Шуваловъ никогда бы не взялъ, хотя вѣроятно легко могъ бы получить ее. Ему просто хотѣлось отдохнуть отъ прежней жизни, пожить на свободѣ, въ полной независимости, полюбоваться красотами природы и искусствъ, увидѣть вблизи хваленныя мѣста. Онъ принялъ твердое намѣреніе путешествовать, и конечно желалъ поскорѣе уѣхать, чтобы не быть свидѣтелемъ переворота, который тогда готовился въ Россіи. Хотя приверженцы императрицы Екатерины не обращались къ нему ни съ какими предложеніями, но легко можно было угадывать ихъ намѣренія. Вообще первая половина 1762 года представляетъ собою одну изъ тѣхъ тяжелыхъ эпохъ, когда всякій, любящій спокойную жизнь, челоуѣкъ долженъ былъ мучиться неизвѣстностью будущаго. По характеру своему Шуваловъ не желалъ принимать никакого участія въ приближавшейся развязкѣ великаго дѣла. Онъ намѣревался оставить Петербургъ вмѣстѣ съ молодымъ племянникомъ своимъ, графомъ Андреемъ, сыномъ покойнаго Петра Ивановича, уѣзжавшимъ тогда въ чужіе края (70). Но придворная служба задержала Ивана Ивановича. Государь, собиравшійся тогда въ походъ противъ Даніи, которой объявлена была война за голстинскія владѣнія, въ знакъ своей милости, пзъявилъ желаніе, чтобы Шуваловъ ему сопутствовалъ.

(70) Письмо Вольтера отъ 23 Іюня 1762 года.

Такимъ образомъ Шуваловъ не успѣлъ освободиться отъ придворной службы, и конечно не весело было ему отправляться въ Данію. Но надлежало покориться судьбѣ. Въ началѣ Іюля назначено было выступленіе въ походъ, и Шуваловъ на время уѣхалъ отъ двора, изъ Петергофа въ Петербургъ, чтобы приготовить все нужное въ дальнюю дорогу.

Въ этихъ сборахъ засталъ его знаменитый переворотъ 28 Іюня. Въ этотъ день, рано утромъ, изъ оконъ дома своего на Невскомъ Проспектѣ, Шуваловъ увидѣлъ торжественное шествіе Екатерины, направлявшееся отъ Пзмайловскихъ казармъ къ Казанскому Собору. Раздумывать не было времени, и повинаясь общему, почти единодушному влеченію, Шуваловъ немедленно перешелъ улицу и явился въ соборѣ у присяжнаго лѣста. Молодая государыня замѣтила его и тутъ же, подозвавъ къ себѣ, сказала: «Иванъ Івановичъ, я рада, что и ты съ нами.»

Но Шувалову и безъ того не слѣдовало сомнѣваться въ благоволеніи Екатерины. Хотя, въ предшествовавшія царствованія, онъ не принадлежалъ къ числу ревностныхъ ея приверженцевъ, однако имѣлъ случаи оказывать ей услуги, и даже, по миролюбію своему, уснѣвалъ въ послѣднее время устранять недоразумѣнія, возникавшія между Елизаветою Петровною и ея племянницей (71). Вообще Екатерина цѣнила благородный образъ мыслей Шувалова и ту пользу, которую приносилъ онъ отечеству. Немедленно по воцареніи ея возобновились сношенія Шувалова съ Вольтеромъ, и вскорѣ исторія Петра Великаго была издана вполне. Черезъ Шувалова послано было къ Дидероту приглашеніе Екатерины доканчивать въ Россіи запрещенную во Франціи Энциклопедію; Шуваловъ же входилъ въ сношенія съ Даламбертомъ и сообщалъ ему предложеніе принять должность наставника при слѣдникѣ русскаго престола (72).

Но довѣріе и милостивое вниманіе Екатерины не могли отклонить Шувалова отъ давно желанной поѣздки въ чужіе края, къ которой теперь не представлялось препятствій, и въ необходимости которой

(71) Вольтеръ въ письмѣ къ Арханталю отъ 8 мая 1762: «Je savais bien qu'Ivan Schowalow, mon favori et celui d'Elisabeth, avait raccommodé la princesse impériale avec la mourante.»

(72) См. примѣчаніе при письмѣ Вольтера къ Даламберту отъ 25 Сент. 1762 г.; а о печатаніи Энциклопедіи, которую предполагали издавать въ Ригѣ, см. письмо его же къ Дидероту отъ 25 того же мѣсяца и года. Шуваловъ самъ писалъ о томъ къ Дидероту, но письма этого мы не могли найти.

онъ вноси́тъ убѣдился. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины русскій дворъ принялъ совѣтъ новый видъ: прекратились ужины за полночь, рѣже праздновались маскарады, веоду введены точность и строгая бережливость (особливо во времени). Вообще царедворцамъ Елизаветы надлежало совершенно переменить свои привычки; имъ было неловко посреди новыхъ людей; Шуваловъ же не имѣлъ довольно честолюбія, чтобы преодолѣвать эту неловкость и приравниваться къ новымъ обычаямъ. Онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ на время, оставить дворъ.

Необыкновенныя событія того времени, пущившія такое сильное вліяніе на судьбу Шувалова, потрясли и физическій организмъ его. Лѣтомъ 1762 года онъ слегъ въ постелю, какъ видно изъ письма къ нему Вольтера отъ 13 Августа этого года, и по всему вѣроятію, не принималъ участія въ торжествѣ коронаціи Екатерины и въ тогдашнихъ московскихъ праздникахъ. Впрочемъ болѣзнь, кажется, продолжалась не долго. Въ Мартѣ слѣдующаго года онъ уже собирався въ дорогу. Любопытно, что въ это самое время, въ Москвѣ, къ нему явился молодой солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, съ просьбою взять его за границу. То былъ воспитанникъ казанской гимназіи Державинъ. Шуваловъ, еще прежде знавшій о его способностяхъ, изъявилъ согласіе; но одна изъ тетюшекъ написала Державину строгое письмо, въ которомъ объявлено было, что мать лишитъ его своего благословенія, если онъ отправится за море съ *фармазономъ*. Видно подъ этимъ именемъ слыли тогда въ глухихъ углахъ Россіи люди, посвящавшіе себя наукамъ, въ томъ числѣ и Шуваловъ (73).

Въ то время, послѣ славнаго указа Петра III, предоставлявшаго всѣмъ Русскимъ полную свободу въ избраніи мѣста жительства, не представлялось особенныхъ затрудненій къ путешествію въ чужіе края. Получивъ временное увольненіе отъ должностей своихъ, въ половинѣ Апрѣля 1763 года, Шуваловъ отправился въ дорогу, конечно не предполагая, что ему придется прожить внѣ Россіи слишкомъ 14 лѣтъ (74).

(73) См. Остолопова Ключъ къ соч. Державина, стр. 7. Объ этомъ сообщалъ намъ также родственникъ Державина гр. Д. Н. Б. — Франкмасонство, занесенное офицерами изъ Пруссіи, (молодой Суворовъ посѣщалъ въ Кенигсбергѣ масонскія ложи), уже тогда было въ ходу у насъ; Петръ III ему покровительствовалъ.

(74) Въ С. Пет. Вѣдомостяхъ 1763 года, № 31, отъ 18 Апрѣля, означено: «Генераль-поручикъ и Шефъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, Иванъ Ивановичъ

О путешествіяхъ Шувалова и его жизни въ чужихъ краяхъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ извѣстій въ собственныхъ письмахъ его къ сестрѣ, княгинѣ Прасковѣ Ивановнѣ Голицыной (1734—1802). Письма эти писаны незатѣйливо, съ откровенностью братской дружбы, и лучше всего изображаютъ простой и безхитростный характеръ Шувалова. Нельзя не пожалѣть, что они сохранились не вполне, и обнаружены лишь въ отрывкахъ (75).

Разумѣется, Шувалова всюду принимали съ великими почестями и предупредительностью. Вотъ письмо его изъ Митавы, отъ 24 Апрѣля 1763 года: «Вчерашній день, матушка, выѣхалъ изъ Риги и приѣхалъ въ Митаву; стою на квартирѣ принца Карла Курляндскаго. Герцогъ (76) присылалъ звать меня обѣдать, и туда ѣду. Послѣ обѣда отираюсь въ путь. Послѣ сего письма долго писемъ не будете имѣть; чаю, что до самаго Мемеля постантовъ нѣтъ, и въ разсужденіи дурной дороги чаю не скоро приѣду. Ёду же на наемныхъ русскихъ тульскихъ ямщикахъ, которые меня скорѣи привезутъ, нежели дурная здѣшняя почта. Могу сказать, что такихъ веселыхъ людей, какъ мои ямщики, и хорошихъ лошадей мало видать.

Шуваловъ, получилъ дозволеніе отъѣхать на нѣкоторое время въ чужіе края, указомъ 4 Марта 1763 г.» (Тогда дворъ еще находился въ Москвѣ).

(75) Подлинники этихъ писемъ находятся у графини Прасковьи Николаевны Фредро, которая, по матери своей графинѣ Головиной, приходится родной внучкой сестры Шувалова, княгини Голицыной. Въ 1844 году въ Парижѣ гр. Фредро дозволила снять съ нихъ копія кандидату нашего университета, О. П. Бѣляеву, отъ котораго и получены ил. М. П. Погодинъ, и въ 1845 году письма эти, въ числѣ 22-хъ, были напечатаны въ октябрьской книгѣ Москвитянина, съ правомочіемъ подлинниковъ, которое у насъ не удержано, и для показанія котораго приводимъ здѣсь и ниже въ примѣчаніи 79-мъ отрывки. «18 Сего мѣсяца было здѣсь трясеніе земли ночью въ шесть часовъ; много чувствовали, а болѣе того людей спали; Императрица отъ сего пробудилась, и видѣла, что завѣсы трогались, и прочіе вкомнатѣ убранство. только 23 мили отсюда въ свѣтлин городъ Комернъ никакъ сие приключеніе имѣлъ: несколько домовъ, церквей развалилось и людей погибло. Обстоятельнаго извѣстія ждутъ; только оно правда. вчера съ и обѣдалъ у Кауница, и первое описаніе читали: сколько время дозволило, обстоятельства тому, —отъ котораго полученъ репортъ, узнали. Сей городъ стоялъ вблизи Дуная, окруженъ водою, въ иныхъ мѣстахъ земля провалилась.—еду обѣдать въпринесе Любомирской.» (Вѣна, 21 Юня 1763). Тогда же г. Бѣляевъ списалъ у граф. Фредро 8 писемъ отъ разныхъ лицъ къ Шувалову; они напечатаны въ ноябрьской книгѣ Москвитянина 1845 года.— Г. Бѣляевъ сообщалъ намъ, что за недостаткомъ времени, онъ не могъ списать всѣхъ писемъ, а списалъ только замѣчательнѣйшія, а изъ нѣкоторыхъ лишь отрывки.

(76) Знаменитый Биронъ, которому Екатерина возвратила Курляндію и который незадолго передъ тѣмъ переехалъ въ Митаву изъ Ярославля. Шже упомянутыя принцы Карлъ и Петръ сыновья Бирона.

Какая разница наша Русь от здѣшнихъ обитателей! Принцъ Карлъ, другой герцогъ, нѣсколько дней отсюда уѣхалъ, и послѣ тотчасъ дворецъ наши солдаты заняли.—Дописываю мое письмо, возвратясь къ себѣ. Обѣдалъ у герцога, которой меня весьма ласково и учтиво принялъ. Въ первый разъ видѣлъ дворъ нѣмецкаго маленькаго владѣтеля, въ которомъ гофмаршалъ, кавалеръ, фрейлины, пажы, все въ миниатюрѣ предъ большимъ дворомъ. Герцогъ самъ ко мнѣ хотѣлъ ѣхать, только я сказалъ, чтобъ не трудился, ибо я скоро поѣду. Принцъ Петеръ однакожь былъ. Кушанья намъ послали въ Ригѣ столько, что дѣвать было некуда на дорогу. Дороги здѣсь очень дурны. Митава городокъ какъ нѣмецкой... клинъ (77). Въ первый разъ видѣлъ здѣсь Жидовъ, которыхъ множество здѣсь. Здѣсь вамъ, матушка, принялъ учителя князю Ф. Н. (78), которому далъ письмо явиться къ вамъ. Чаю, черезъ мѣсяцъ прѣдетъ. Человѣкъ изрядной; я чаю, что его знаніемъ, особливо поведеніемъ, довольны будете. Впрочемъ, матушка, прощай, Богъ съ тобою.»

Въ Пруссіи вниманіе Шувалова остановилось на внутреннихъ распоряженіяхъ Фридриха Великаго послѣ семилѣтней войны. «Его величество все силы свои употребляетъ къ возстановленію внутренняго благосостоянія,» рассказываетъ Шуваловъ въ письмѣ отъ 20 Мая изъ Бреслава. «Одной Шлезіи далъ 17,000 лошадей мужикамъ, взявъ изъ драгунскихъ легкихъ войскъ, артиллерійскихъ и прочихъ, которыхъ мирное состояніе нужды не требуетъ; и прочія дѣлаетъ касательно сей пользы учрежденія. Разумныя его повелѣнія. Строгое и скорое по нимъ исполненіе въ краткое время приведутъ его земли въ желаемое цвѣтущее состояніе, исправя приключенныя войною разоренія. Истинно удивиться довольно не можно, съ какимъ прилежаніемъ и усердіемъ все по деревнямъ, гдѣ ѣхалъ, приказы исполняютъ; нравители же все имѣютъ самое малое жалованье. Мужики знающіе, разумные пѣтари: доволенъ каждый своимъ состояніемъ, и главное удовольствіе въ исполненіи своей должности почитаетъ. Сіе пріобрѣтается долгимъ временемъ добраго воспитанія. Всѣхъ по деревнямъ мальчики и дѣвочки учатся грамотѣ и божескому закону. Всякой получаетъ пропитаніе своими трудами. Молодые, видя примѣръ въ старыхъ, привыкаютъ къ трудолюбію съ возрастомъ.

(77) Это мѣсто вѣроятно было не разобрано въ подлинникѣ

(78) Кн. Ф. Н. Голцынъ, сынъ сестры Шувалова и извѣстнаго писателя сего послѣдняго. Ему было 12 лѣтъ. — Тогда Жиды были изгнаны изъ Россіи.

Вчера съ я обѣдалъ на дорогѣ у одного изъ сихъ управителей, которому порученъ весь Глоговскій уѣздъ, и онъ дворянинъ; съ какою ласкою онъ обходится! Много сказывалъ, что его наши войска разорили; только все то съ терпѣніемъ сноситъ и болѣе жалуется на обстоятельства военныя, нежелан на людей, которыми, сказываетъ, что былъ доволенъ. То нужда ихъ лишила его многого. Жена у него старушка сказывала, что могла сыскать ласку отъ козаковъ, выучась нѣсколько по русски, и стараясь ихъ кормить и поить, и за то ее звали *гуте-мачка*. Письма моя къ вамъ наполнены и дѣломъ и здоромъ: удовольствіе, матушка, долѣе съ вами говорить всегда въ нихъ проповедеть сей неурядокъ.»

Въ походѣ Мая Шуваловъ прѣбылъ въ Вѣну. Тамошній посоль нашъ кн. Дмитрій Михайловичъ Голлицъ принялъ его очень дружелюбно и немедленно ввелъ его въ высшій кругъ вѣнскаго общества, который конечно давно знакомъ ему былъ по слухамъ, вѣдѣствіе частыхъ сношеній петербургскаго двора съ вѣнскимъ. Шуваловъ въ нѣсколькихъ письмахъ съ мелочными подробностями разсказываетъ сестрѣ о своемъ представленіи императрицѣ и императору (Маріи Терезіи и супругу ея), о знакомствахъ своихъ съ послами, министрами и вѣнскою знатію, о разныхъ увеселеніяхъ, о домашнемъ бытѣ тамошнихъ вельможъ, о поѣздкахъ за городъ: однимъ словомъ передастъ все, что показалось ему замѣчательнымъ ⁽⁷⁹⁾. Въ этихъ письмахъ вполне виденъ вельможа тѣхъ временъ. Замѣчательно, что онъ прожилъ въ Вѣнѣ около полугода, между прочимъ по той причинѣ, что тамъ было дешево жить. Послѣ роскошной петербургской жизни у него оставалось всего 8 т. р. дохода, —

(79) Папр въ письмѣ отъ 16 авг. 1763 г. изъ Вѣны: «Вѣнѣ нетъ такого мотовства, какъ у насъ: здѣсь дамы почти все домашнія дѣла правятъ; сами овесъ и сено покупаютъ, мнѣ сами знатные сказывали, многие здѣсь дома даютъ обѣдъ два мѣсеца одинъ разъ свѣтлыми огромствомъ; а протчіе дни едятъ на тарелачкахъ трехъ или четырехъ. Нѣ по панзелу, какъ я помяну, во дномъ доме, званъ былъ ужинать, гдѣ столъ былъ, поминутца, на двенадцать человекъ, а прѣехало сорокъ, между темъ пиво впервой разъ отроду идомъ кужину. Я часто здѣсь разсказываю къ великому удивленію образъ нашей жизни всакомъ деле хорошо. Только сколько неудобно хозяйни! здѣсь обычай, что после супу дить дыни! вотъ вамъ новая мода... Государю моему Александру Григорьевичу моя дружба, любовь і почтенье, которая пребудеть на вѣки! другъ мой естльбъ здѣсь позволилъ быть, —статую бы поставили за постоянное сидѣние вломберъ; другой игры нетъ; только такъ скоро играютъ, что я своею поспѣшностію на усѣваю: одинъ разъ у графини Гарахъ просилъ, чтобъ потиш: играть, или я вещь столь отъ скорости моеи опрокину» и пр. *(sic)*.

сумма, сравнительно ничтожная (⁸⁰). «Не повѣрите, какой сталъ экономъ», пишетъ онъ къ сестрѣ. «Хочу вамъ описать мой домъ: 2 камердинера, поварь, 2 скорохода, 3 лакея, кучеръ, квартира, столъ, естъял дома обѣдаю, на 4 персоны—все оное стоитъ 150 червонцевъ на мѣсяцъ, кремъ платья, что принужденъ былъ дѣлать, и ливрею и другіе мелочные расходы. Если такъ вездѣ будетъ, то могу съ благопрістойностью жить. Только сказываютъ, въ Парижѣ несравненно все дороже, особливо нынѣ. И такъ, выключая другіихъ удовольствій, экономія требуетъ, чтобъ здѣсь долѣ жить. Думаю въ половинѣ Ноября отсюда конечно выѣхать, можетъ быть и прежде, въ Италію или во Францію, еще не знаю. Причина ѣхать въ Италію: 1) Что нынѣ удобное къ тому время, 2) что близко оной землѣ; во Францію: 1) Докуда еще не такъ старъ, могу приевокунить знаніе, по причинѣ многихъ ученыхъ людей; 2) мое платье и прочія нужныя потребности посланы во Францію на кораблѣ».

Конечно Шуваловъ не долго колебался въ выборѣ: его манялъ къ себѣ Парижъ, тогда еще болѣе, нежели теперь, считавшійся безусловнымъ законодателемъ вкуса, столицею европейскаго просвѣщенія. Въ началѣ 1764 года онъ пріѣхалъ туда, если не ошибаемся, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, который также пошелъ нужнымъ на время удалиться изъ Петербурга (⁸¹). Нельзя не пожалѣть, что не сохранилось писемъ его изъ Парижа; въ нихъ вѣроятно заключалось много любопытнаго о парижскомъ дворѣ и обществѣ, въ которыхъ именно въ ту пору произошли значительныя перемѣны влѣдствіе кончинъ двухъ первешествовавшихъ лицъ, маркизы Помпадуръ и Дофина (отца Людовика XVI). Еще любопытнѣе было бы знать о непосредственныхъ сношеніяхъ Шувалова съ французскими учеными, философами и художниками. Но все это остается неизвѣстнымъ. Знаемъ только, что въ Парижѣ, какъ и въ Вѣнѣ, Шуваловъ велъ свѣтскую жизнь, что онъ представлялся Людовику XV, свелъ знакомство

(80) См. письмо отъ 27 Сент. 1763 г. изъ Вѣны. Впослѣдствіи онъ получалъ больше и его дѣлами завѣдывалъ вышеупомянутый Александръ Григорьевичъ (фамилія не знаемъ). По письмамъ видно, что онъ едва сводилъ концы съ концами. Въ письмѣ отъ 8 Окт. 1763 изъ Вѣны, читаемъ: «Пишетъ ко мнѣ, матушка, Андрей, что мужики новгородской деревни приходили, даютъ охотно оброкъ 1500 рублевъ,— только бѣ ихъ не продавать, сие предаю въ вашу волю. Если можно цѣну взять хорошую, то продать, поиртчинае, что много хлѣпоты отъ соседей будетъ».

(81) См. письмо отъ 27 Сент. 1763 и Записки Порошина, стр. 108.

со всею знатію и особенно подружился съ извѣстнымъ своею благо-творительностію герцогомъ Орлеанскимъ и старою вдовою фельдмаршала Люксамбургъ, пріятельницею Ж. Жака Руссо: первый передалъ ему на память передъ отъѣздомъ его изъ Парижа табакерку Петра Великаго съ его финифтянымъ портретомъ, ту самую, которую государь въ бытность въ Парижѣ подарилъ дѣду его, знаменитому регенту Франціи (82);—а герцогиня Люксамбургъ, между прочими любезностями, прислала къ нему въ видѣ подарка на новый годъ золотую зашпеную книжку съ слѣдующими стихами, нарочно для того написанными Мармонтелемъ и показывающими, что пменшо цѣнили въ Шуваловѣ его современники:

Le souvenir est doux à l'homme heureux et sage,
Qui sût jouir de tout, et n'abuser de rien,
Et qui de la faveur fit un si bon usage,
Que même les rivaux n'en ont dit que du bien (83).

Въ это самое время посланъ былъ за границу для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ славный впоследствии Дмитревскій; въ Парижѣ Шуваловъ оказывалъ ему всякаго рода пособія, и между прочимъ познакомилъ его съ знаменитымъ комическимъ актеромъ Лекенемъ и актрисою Дюмениль (84).

Нѣтъ сомнѣнія, что, отправляясь путешествовать, Шуваловъ во все не думалъ оставаться въ чужихъ краяхъ долгое время. Онъ намѣревался жить постоянно въ Москвѣ и даже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы продали одинъ изъ петербургскихъ домовъ его, вмѣсто котораго хотѣлъ пріобрѣсти себѣ домъ въ Москвѣ, «дабы, возвратясь, если Богъ изволитъ, вмѣстѣ съ вами жить»—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ сестрѣ (отъ 27 Сентября 1763 г.). «Довольно—нищеть онъ далѣе—жилъ въ большомъ свѣтѣ; все видѣлъ, все могъ знать, дабы еще меня счастье суетное льстило. Прямое благополучіе въ спокойствіи духа, котораго найти иначе не можно, какъ

(82) Эта табакерка доселѣ хранится у кн. Мих. Фед. Голицына, вичучагна племянника Шувалова. См. подробности въ статьѣ Пвалчина-Писарева: *Два значительныя миниатюры* (Москвит. 1844. № 4, стр. 391—394).

(83) Т. е. Какъ сладко вѣспоминать о прошедшемъ человѣку, одаренному счастьемъ и благоразуміемъ, который умѣлъ все наслаждаться и ничего не употребить во зло, и который такъ пользовался счастливымъ случаемъ, что сами соперники воздавали ему похвалу.—Все предыдущее отнесено нами къ *первому* пребыванію Шувалова въ Парижѣ, но только по соображеніямъ, за вѣрность которыхъ не стоимъ.

(84) См. Дневникъ Чиновника въ Отечест. Запискѣхъ 1833 года.

удалиться отъ всѣхъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ и жить съ кровными и друзьями, умѣривъ свои желанія, и довольствоваться простымъ житьемъ, никому зависти и досады не причиняющимъ. Часто обстоятельства виноваты нашему поведенію. Одинъ человекъ можетъ быть не любимъ и любимъ по разности состоянія. Мнѣ же, мой свѣтъ, скоро будетъ столько лѣтъ, что въ числѣ стариковъ почитаться должно. Благодарю моего Бога, что далъ мнѣ умѣренность; въ младомъ моемъ возрастѣ не былъ никогда ослѣпленъ честию и богатствомъ; и такъ, въ совершеннѣйшихъ лѣтахъ, еще меньше быть могу. Скажу и то, что въ моемъ пути долгу, можетъ быть, не сдѣлаю, и, возвратясь, съ умѣреннымъ доходомъ, могу жить съ благопристойностію. Жалѣю только то, что вы не воспользовались моимъ счастіемъ, и ничего полезнаго для васъ не сдѣлали, сколько бы сдѣлать могъ. Меня утѣшаетъ ваша безкорыстность. Вы лучше любите справедливость всего. Естьли есть люди, которые вымышляютъ мое богатство, то вѣрѣте, есть и тѣ, которые правду знаютъ. Осталось мнѣ во утѣшеніе, что рано или поздно отъ всѣхъ оная извѣстна будетъ. Въ отсутствіи моемъ главное утѣшеніе: пріобрѣсти знакомство достойныхъ людей, утѣшеніе, мнѣ до сего времени неизвѣстное. Всѣ друзья мои, или большею частью, были только—моего благополучія. Теперь собственно мои».—Въ Парижѣ Шуваловъ прожилъ около года. Чувство патриотизма, а всего болѣе нѣжная привязанность къ родственникамъ, изъ которыхъ особенно любилъ онъ сестру, кн. Голицыну, звали его на родину. Въ Ноябрь 1764 года въ Петербургѣ ожидали его возвращенія (85).

Обстоятельство, которое можно назвать случайнымъ, неожиданно задержало его въ чужихъ краяхъ. Онъ узналъ, что Екатерина неблагосклошно отзывалась о немъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ иностранныхъ корреспондентовъ. Дѣло въ томъ, что государыни доложили, будто Шуваловъ гдѣ-то въ большомъ свѣтѣ очень хвалилъ княгиню Дашкову и приписывалъ ей почти исключительно весь успѣхъ событіи 28 Іюня 1762 года. Не знаемъ, на сколько тутъ было правды; но этотъ слухъ раздосадовалъ Екатерину, въ то время еще не успѣвшую утвердить свою славу и забыть недавнія неудовольствія съ самою кн. Дашковой, которая, какъ извѣстно, не отличалась скромностію въ оцѣнкѣ собственныхъ заслугъ. Екатерина не была

(85) См. Записки Порошина, стр. 161.

равнодушна къ тому, что говорили о ней за границей, въ высшихъ кружкахъ парижскаго общества, и особенно въ первые годы своего царствованія. Шуваловъ долженъ былъ раздѣлить участь кн. Дашковой: рѣзкій, вырвавшійся въ пылу досады, отзывъ государыни, сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ, и не оставлялъ Шувалову никакого сомнѣнія, что ему не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени, являться ко двору (86). Вслѣдъ за тѣмъ онъ не просилъ себя дозволеніе продолжать путешествіе. Одинъ изъ его знакомыхъ писалъ къ нему по этому случаю: «Ваше превосходительство, получа дозволеніе продолжать вашъ вояжъ, спѣшить возвращеніемъ въ отечество нужды уже большой не имѣете, хотя бы оное съ прибылью отечеству было, когда бы вы опредѣлялись къ дѣламъ намѣреніе приняли. Не причтите моей мысли, касающейся до васъ и вашихъ отличныхъ достоинствъ, за привѣтствіе. Я и нужды льстить вамъ не имѣю, и такъ бы миновать могъ комплиментъ написать. Si on veut, on fera très bien, Monsieur, je le répète encore, de vous rappeler en employant v. e. selon vos désirs.» Впрочемъ, прибавляетъ осторожный корреспондентъ, покорно прошу наблюдать при перепискѣ моей съ вами: письма мои огню предавать; я тоже со всѣми чистию» (87).

Чуждый честолюбія, Шуваловъ покорился судьбѣ. Онъ еще прежде писалъ сестрѣ своей (отъ 2 Авг. 1763 г. изъ Вѣны): «Письмо ваше, матушка, писанное изъ Петровскаго (подмосковная деревня Голпыныхъ), получилъ. Радуюсь, что вы лучше въ своемъ здоровьѣ, и васъ сельская жизнь веселитъ. Совершенно, что можетъ лучше способствовать къ спокойствію нашего духа, отъ котораго много тѣло наше зависитъ, чтобъ быть въ свободѣ, въ здоровомъ воздухѣ и съ людьми, которыхъ поведеніе не принуждено обстоятельствомъ дѣлать притворство? Сія жизнь, которая меня льститъ. Дай Господи Боже, чтобъ я могъ симъ утѣщеніемъ пользоваться. Если Богъ изволитъ, буду живъ, и возвратясь въ мое отечество, ни о чемъ иномъ помышлять не буду, какъ вещь тихую и безопасную

(86) Это любознательное извѣстіе, которымъ совершенно объясняется 15-лѣтнее отсутствіе Шувалова, сообщено по достоверному преданію графомъ Д. Н. Б. Къ сожалѣнію мы не могли доискаться, къ кому именно писала Екатерина о своемъ неудовольствіи противъ Шувалова.

(87) См. Москв. 1845. № 7, стр. 33. Письмо изъ Варшавы, по всему вѣроятію отъ кн. П. В. Рѣпина.

жизнь; удалось отъ большого свѣта, который довольно знаю. Конечно не въ немъ совершенное благополучіе почитать надобно; но собственно въ себѣ и въ маломъ числѣ людей, родствомъ или дружбою со мною соединенныхъ. Прошу Бога только о томъ; вѣрьте, что ни чести, ни богатства веселить меня не могутъ.» Побывавъ въ Лондонѣ (88), онъ отправился въ Италію и поселился на постоянное житье въ Римѣ.

Шуваловъ прожилъ въ Римѣ около 8 лѣтъ сряду, за исключеніемъ короткихъ отлучекъ въ Неаполь, куда онъ ѣзжалъ на богомолье говѣть въ тамошней греческой церкви. Римская жизнь тихая и безпечная, вполне пришла къ нему по сердцу. «Дни, мой свѣтъ, такъ хороши, лишеть онъ сестръ отъ 22 Декабря 1770 г. — что у меня теперь окошки открыты; представьте, какой климатъ! Я, благодаря Бога, весь годъ безъ малаго припадку. Домъ у меня прекрасной положеніемъ и уборами. Одинъ чувствительный недостатокъ, что разлученъ съ вами. Сіе только лишаетъ исполненія моего желанія, которое въ спокойной состоятъ жизни.» Или въ другомъ письмѣ (отъ 20 Окт. 1770 года): «Здѣсь въ Римѣ веселіевъ, забавъ нѣтъ; но жизнь весьма спокойная. Моя охота къ художествамъ и обхожденіе съ иностранными и съ малою частію здѣшнихъ господъ—все мое удовольствіе». Говорятъ, что въ Римѣ онъ постоянно окруженъ былъ художниками, которые очень уважали его. Онъ самъ любилъ заниматься рѣзбою на мѣди, и выгравировалъ собственный портретъ свой.

Ближайшее знакомство съ памятниками искусствъ и безпрестанное обращеніе съ римскими художниками внушили Шувалову мысль основать въ Римѣ особую академію для Русскихъ. Онъ написалъ о томъ въ Петербургъ и указывалъ на примѣръ французскаго двора, который учредилъ въ Римѣ подобное заведеніе. Но тогдашній начальникъ петербургской академіи художествъ, П. Я. Бецкій по чему-то не согласился на это. Однако Шуваловъ успѣлъ оказать распространенію вкуса въ Россіи существенную пользу. Онъ выпросилъ у наны дозволеніе снять формы съ лучшихъ римскихъ статуи и послалъ ихъ вмѣстѣ съ формами, снятыми по его же распоряженію во Флоренціи и Неаполѣ, въ петербургскую академію художествъ: формы для прочности вылиты были изъ чугуна (89). Бецкій на этотъ разъ не противорѣчилъ.

(88) См. Порошина, стр. 267.

(89) Къ сожалѣнію эти формы впоследствии были утрачены. См. Кратк. петер. свѣдѣніе о состояніи пми. академіи художествъ, Спб. 1829.

Дозволеніе снять формы со статуи было весьма лестнымъ знакомъ уваженія, какъ къ Россіи вообще, такъ и въ частности къ Шувалову, ибо не задолго передъ тѣмъ одинъ изъ вѣнценосцевъ не могъ добиться этого (90). Вообще Шуваловъ имѣлъ въ Римѣ много связей, особливо между иностранными министрами. Щедрость привлекала къ его дому низшее народонаселеніе; свѣдѣнія въ искусствахъ и гостепріимство сближали его съ художниками, а любезность и то, что называютъ приятнымъ обращеніемъ, располагали въ его пользу высшее общество. Императоръ Іосифъ II, жившій нѣсколько времени въ Римѣ, оказывалъ Шувалову особенное расположеніе и вѣдоу возилъ его съ собою, что впрочемъ легко объяснить и тогдашнимъ сближеніемъ Австріи съ Россіею (91).

Римскія связи дали возможность Шувалову принести пользу отечеству и въ политическомъ отношеніи. Онъ помогалъ графамъ Орловымъ, когда они изъ Италіи подготовляли возстаніе Грековъ и обезпечивали свои усѣхи въ предѣлахъ турецкаго царства. Въ другой разъ, Шуваловъ усѣлъ исполнить личное порученіе Екатерины, которое сообщилъ ему присланный отъ графа Панина курьеръ. Дурини, папскій нунцій въ Варшавѣ, дѣйствовалъ вопреки русскимъ интересамъ; императрица поручила Шувалову пеходатайствовать у папы (Клмента XIV) удаленіе Дурини изъ Варшавы. Папа не только исполнилъ желаніе Екатерины, но даже предоставилъ Шувалову самому выбрать новаго нунція, изъ людей, лично ему извѣстныхъ. Велѣдъ за тѣмъ мѣсто Дурини занялъ нѣкто Граппи, человекъ самый миролюбивый и смиренный.

Императрица благодарила за это Шувалова письмомъ, которое очень обрадовало его. «Не знаю, мой свѣтъ—пишетъ онъ сестрѣ отъ 12 Мая 1770 г.—получили ли вы копію съ письма ко мнѣ ея величества, въ которомъ всемилоостивѣйше оказываетъ свое удовольствіе о исполненіи порученныхъ мнѣ комиссіевъ? Еще нынѣ имѣю свидѣтельство новое отъ П. П. Бецкаго о ея ко мнѣ благоволеніи». Нѣсколько поздне (1773 г.) онъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

(90) См. Кн. Голицына: *Жизнь об. камерг. Шувалова*, стр. 94. «Незадолго передъ симъ подобное отказано было нѣкоторому государю». Кому именно, не знаемъ; можетъ быть Густава III, который слылъ любителемъ художествъ и жилъ въ Римѣ.

(91) Тамъ же стр. 94. Это было въ 1769 г. Іосифъ прїѣзжалъ въ Римъ на выборы новаго Папы Клмента XIV.

Послѣ этого Шуваловъ могъ спокойно возвратиться въ Петербургъ; но теперь, если не ошибаемся, его удерживало за границею родственное обязательство, которое онъ принялъ изъ дружбы къ сестрѣ своей. Сынъ сей послѣдней, молодой князь О. Н. Голицынъ (1751—1827) путешествовалъ по Европѣ для усовершенствованія себя въ наукахъ; холостой Шуваловъ рѣшился руководить его воспитаніемъ. «Миѣ хотѣлось — писать онъ къ его матери, отъ 9 Іюня 1770 г. изъ Рима, — чтобы онъ со мною Францію, также и Англію видѣлъ, гдѣ надобно конечно такой человѣкъ, который бы молодого поведенія надзиралъ, и гдѣ столько разныхъ забавъ, — раздѣлялъ бы его время на пріятное и полезное. Кажется, не за чѣмъ ѣздить, если только знать театры и наизусть имена танцевъ и комедіантовъ, и не зная прямо націи, давать о ней иное понятіе. Въ такомъ обстоятельствѣ многіе молодые люди, которые ѣздятъ смотрѣть свѣтъ, и которые, вмѣсто пользы, возможный вредъ приобрѣтаютъ. Я не знаю опаснѣйшихъ мѣстъ, какъ Лондонъ и Парижъ, для молодости; видѣлъ жалостныя слѣдствія со многими; и для того миѣ весьма хотѣлось, чтобъ племянникъ со мною вмѣстѣ въ обонхъ оныхъ мѣстахъ былъ. Италія наскучила обонмъ: кромѣ клямата, художествъ, ничего нѣтъ; и если бъ не дома иностранныхъ министровъ, то бъ не знали, что дѣлать. Здѣсь всѣ иностранныя министры мои пріятели, по чему сынъ вашъ часто въ сихъ домахъ обѣдаетъ и пр.»

Но это намѣреніе по чему-то не исполнилось. Князь Голицынъ уѣхалъ учиться въ Женеву (92), а Шуваловъ оставался въ Италіи еще около трехъ лѣтъ.

Въ походѣ 1773 г. онъ рѣшился наконецъ отправиться въ путь, и, проѣздомъ черезъ Швейцарію, посѣтилъ Вольтера въ богатомъ помѣстьѣ его близъ Женевы.

Сношенія Шувалова съ Вольтеромъ, начавшіяся по поводу исторіи Петра Великаго, послѣ изданія сей послѣдней, почти совсѣмъ прекратились. По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ они писали другъ къ другу очень рѣдко. Настоящаго сближенія, разумѣется, не могло между ними возникнуть; ибо для этого мало было вольтеровою любезности и блестящаго литературнаго таланта. Къ тому же Шуваловъ конечно успѣлъ наслышаться о личныхъ свойствахъ философа. Не

(92) См. письмо Вольтера къ Шувалову отъ 7 Іюня 1772.

задолго до того времени, о которомъ теперь идетъ рѣчь, племянникъ его кн. Голицынъ, забѣжалъ къ Вольтеру въ Ферней. Онъ былъ принятъ, какъ нельзя лучше; но по чему—то Вольтеръ заставилъ его нѣсколько дней дожидаться письма къ Шувалову. Въ одно утро слуга принесъ князю тетрадку для прочтенія. Это была знаменитая сказка о Бѣломъ Быкѣ. Вольтеръ дарилъ экземпляръ ея своему гостю. Но сей послѣдній не захотѣлъ взять ее съ собою, и по отъѣздѣ его тетрадь нашли на столѣ въ комнатѣ, которую онъ занималъ (93). По этому поступку 22-лѣтняго племянника Вольтеръ могъ заключать о мысляхъ его дяди и воспитателя. При всемъ уваженіи къ талантамъ Вольтера, при всей мягкости своего характера, благочестивый Шуваловъ не могъ мириться съ его мнѣніями и долженъ былъ чувствовать отвращеніе къ его цинизму и кощунству.

Но понятно, что, протѣжая Швейцарію, Шуваловъ не захотѣлъ пропустить удобнаго случая и отправился въ Ферней посмотрѣть вблизи на европейскую славу. Кромѣ того ему слѣдовало побывать у Вольтера, который столько разъ приглашалъ его къ себѣ, слѣдовало соблюсти правила вѣжливости, поблагодарить за его любезности и за ласковый пріемъ, который находили въ его замкахъ кн. Голицынъ и молодой графъ Андрей Шуваловъ. Наконецъ надо замѣтить, что въ эту пору поѣздки въ Ферней сдѣлался модою тогдашнихъ знатныхъ путешественниковъ. Путешествовать по Европѣ и не заѣхать въ Ферней значило быть въ Римѣ и не видать папы.

Протѣжая по Швейцаріи, Шуваловъ наконецъ посѣтилъ Вольтера, именно въ второй половинѣ Ноября 1773 года, и прожилъ въ Фернеѣ около двухъ недѣль. Подробности о свиданіи русскаго вельможи съ дряхлымъ, но все еще остроумнымъ философомъ (которому тогда было 79 лѣтъ) намъ неизвѣстны; но Вольтеръ въ письмахъ къ друзьямъ отзывался о гостѣ своемъ съ великою похвалою. « У насъ теперь въ Фернеѣ Шуваловъ, писалъ онъ къ Даламберту отъ 19 Ноября 1773 года; это одинъ изъ образованнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей, какихъ я когда либо видѣлъ. Встрѣча съ Русскими постоянно убѣждаетъ меня, что Аттила былъ человекъ пріятный и что сестра императора Гонорія поступила благоразумно, рѣшившись быть его супругою.» Въ половинѣ Марта слѣдующаго года снова

(93) См. Серчевскаго: *Записки о родѣ князей Голицыныхъ*. Спб. 1853. стр. 12. Тутъ также сообщено (стр. 168) странное пзвѣстіе, будто княгиня Прасковья Ива-

видимъ Шувалова въ Фернеѣ (94). Въ это самое время Вольтеръ получилъ изъ Петербурга отъ графа Андрея Петровича Шувалова знаменитыя французскіе стихи его, *Посланіе къ Нинонь* (*Épître à Ninon l'Enclos*) (95). Эта присылка безъ сомнѣнія оживила фернейское общество, ибо стихи такъ хороши, что въ послѣдствіи ихъ приписывали самому Вольтеру, и кромѣ того въ нихъ восхвалялась славная своею красотою, любезностью и легкимъ поведеніемъ Нинона (1616—1706), которая, какъ извѣстно, была первою покровительницею Вольтера, и въ дѣтствѣ его подарила ему бібліотеку. И. П. Шуваловъ немедленно отправилъ литературную повинку въ Женеву и приказалъ напечатать ее въ числѣ около 40 экземпляровъ. Кто читалъ посланіе къ Нинонь, тому конечно покажется страннымъ, что благочестивый Шуваловъ рѣшился быть издателемъ произведенія, которое самъ Вольтеръ называетъ *un peu licencieux et un peu téméraire* (нѣсколько вольнымъ и дерзкимъ). Но Шуваловъ не могъ стать выше слабостей своего вѣка. Ему приятно и лестно было, что Русскій, и при томъ его племянникъ, не уступаетъ въ знаніи французскаго языка лучшимъ писателямъ Франціи. Съ другой стороны, напечатавъ посланіе къ Нинонь, Шуваловъ вѣроятно желалъ взаимно оказать любезность своему хозяину о которомъ авторъ посланія такъ выражается при описаніи общества и образа жизни Ниноны:

«C'est ainsi qu'à Ferney j'ai vu ton légataire,
Socrate le matin, et le soir Sainte-Aulaire,
N'offrir à nos regards qu'un mortel enchanteur
Qui tour à tour sait peindre et goûter le bonheur.
Un ton délicieux, la légère saillie,
Amorceaient des fleurs sur l'hiver de sa vie.
Quel convive jamais put s'égaliser à lui?
Entouré des beaux-arts, dont il fut seul l'appui,

новна Голшцана была вичукою какого-то графа Ивана Федоровича Шувалова, воспитателя Петра III-го.

(94) О времени, когда именно Шуваловъ заѣзжалъ къ Вольтеру, есть подробное изслѣдованіе въ статьѣ С. Д. Полторацкаго: *Les deux Chouvalof* (см. Bulletin du bibliophile belge. 1849, № 3, стр. 130—134).

(95) См. тамъ же, стр. 126—130 и письма Вольтера къ барону Констанъ де Ребекъ отъ 11 Апрѣля 1774 г. и къ Делилю отъ 18 Апрѣля того же года. Во Франціи всѣ были увѣрены, что стихи къ Нинонь принадлежатъ Вольтеру. Кто-то напечаталъ даже *Отвѣтъ Ниноны Вольтеру*. Посланіе къ Нинонь между прочимъ было напечатано въ перепискѣ Гримма съ Дидеротомъ, Paris 1829—1831, Т. VIII, стр. 292—296.

Il penche sur leur sein sa tête octogénaire;
Sa Muse, en cheveux gris, paraît toujours légère (⁹⁶).

Къ сожалѣнію не имѣемъ извѣстій о бесѣдахъ Шувалова съ Вольтеромъ. Сохранился только, по преданію, отвѣтъ его на замѣчаніе Вольтера, что Петръ и Екатерина сблизили Россію съ Европою. «Нѣтъ, сказалъ Шуваловъ, они Европу приблизили къ Россіи.»

Годъ спустя, Вольтеръ вспоминалъ Шувалову о свиданіи съ нимъ (въ письмѣ отъ 28 Мая 1775): «У насъ въ Фернеѣ постоянно сожалѣютъ о вашемъ отъѣздѣ. Мы не знаемъ, вѣроятно также какъ и вы, когда вы пойдете назадъ въ вашу страну чудесъ. Я непременно отправился бы повидаться съ вами на пути, если бъ дозволило то мое здоровье... Утѣшаюсь мыслью о вашемъ добромъ расположеніи. Г-жа Денисъ проситъ передать вамъ чувства, которыя вы привыкли вѣтъмъ внушать. Молодая монахиня (⁹⁷) безпрестанно занята вами; она обожаетъ васъ, и увѣрена, что климатъ въ Россіи даже лучше, чѣмъ въ Неаполѣ.»

Безъ сомнѣнія Шуваловъ успѣлъ узнать настоящую цѣну подобныхъ изъясненій. Хотя впоследствии онъ и отзывался Екатерины, что старой философъ обворожилъ его (⁹⁸), но конечно слова эти относятся лишь ко внѣшнимъ приемамъ общежитія и свѣтской любезности. Болѣе правды въ словахъ Шувалова, которые позднѣе слышали отъ него въ откровенной и простой бесѣдѣ: я прожилъ въ Фернеѣ до двухъ недѣль, говорилъ онъ, и съ тѣхъ поръ много убыло моего уваженія къ Вольтеру (⁹⁹).

(96) Т. е. «Въ своемъ завѣщаніи ты не забыла фернейскаго обитателя. Я его тамъ видѣлъ, этаго чародѣя, Сократа по утру и Сентъ-Озера ввечеру, равно умѣющаго описывать счастье и пользоваться имъ. Нѣжный вкусъ, веселое остроуміе украсили цвѣтами зиму дѣтъ его. Кто могъ сравниться съ нимъ въ застольныхъ бесѣдахъ? онъ одинъ защищалъ изящныя искусства, и теперь, окруженный ими, покоитъ на ихъ лонѣ свою восьмидесятилѣтнюю голову. Его сѣдовавшая муза, кажется, никогда не теряетъ своей живости.»—С.Озеръ, французскій генералъ, отличный собесѣдникъ, на 60-мъ году жизни прославившійся однимъ анакреонтическимъ стихотвореніемъ.

(97) Дѣвица Де Варикуръ, вышедшая потомъ за Де Виллета.—Примѣч. Бѣно, издателя вольтеровыхъ сочиненій.

(98) Письмо Екатерины къ Вольтеру отъ 23 Ноября 1777 г.

(99) Записки Тимковскаго, стр. 61. Тутъ же записано со словъ Шувалова: «Временные посѣтители очень часто бывали у Вольтера, напередъ запасаясь, чѣмъ занять его. Явился одинъ нѣмецкій графъ, и на вопресъ, какая его часть, похвалился, что онъ знаетъ пять языковъ, Это, сказалъ Вольтеръ, имѣтъ много ключей къ одному замку. C'est avoir plusieurs clefs pour une même serrure. Какое же употребленіе даете вы

Перезъзды по Швейцаріи остались памятли Шувалову и въ другомъ отношеніи. Въ одномъ мѣстѣ въ горахъ карета его повисла надъ глубокою пропастью. Шувалова спасъ огромный русскій гайдукъ его, успѣвшій поддержать плечами скользящую въ пропасть карету. Этотъ случай впоследствии послужилъ содержаніемъ одной картинѣ, которую выдали въ петербургскомъ домѣ Шувалова. Гайдукъ съ тѣхъ поръ получалъ пенсію.

Изъ Швейцаріи Шуваловъ съ кн. Голицынымъ пріѣхалъ въ Парижъ весною 1774 г., въ самое тревожное время. Людовикъ XV умиралъ, и вмѣстѣ съ нимъ кончалось позорное владычество графини Дюбарри, къ которой наши путешественники еще должны были съѣздить на поклонъ, повинаясь общему обычаю, раздѣляя и въ этомъ отношеніи неразборчивость большаго свѣта. Высшее общество, посреди котораго они поселились, постоянно находилось въ безпокойномъ ожиданіи новаго царствованія. Изъ оконъ квартиры своей противъ дворца, Шуваловъ узнавалъ о здоровьи короля по числу экипажей, которые стѣснялись то у большаго подъѣзда королевскаго, то близъ покоевъ дофина. Дядя и племянникъ были свидѣтелями происшедшей перемѣны (Людовикъ XV умеръ 10 Мая 1774). Они принимали участіе въ погребальныхъ церемоніяхъ, равно и въ празднествахъ новаго царствованія. Привычка къ утонченнымъ пріемамъ общежитія, образованность, необыкновенная свѣтская любезность, и самая слава бывшаго временщика, открывали Шувалову входъ въ лучшіе парижскіе кружки. Но подробностей о тамошнемъ образѣ его жизни сохранилось мало⁽¹⁰⁰⁾. Знаемъ только, что Шуваловъ бывалъ у г жи Дю-Деффагъ, въ то время уже слѣпой старухи, которая извѣстна была своею перешнекою съ философами и дружбою съ Горасомъ Вальполемъ, все еще собиравла въ своей гостинной ученыхъ и писателей, и сама сочиняла стихи⁽¹⁰¹⁾.

вашимъ языкамъ?—Я говорю на всѣхъ, и проч.—Случалось, что онъ среди разговора посетителямъ останавливался. Голова у меня болитъ, говорилъ онъ, поиду стихи писать, и съ тѣмъ уходилъ.»

(100) Впоследствии Шуваловъ разсказывалъ, вѣдомыиа жизнь свою въ Парижѣ: « Тамъ такая стихія чванства высокаго и мелочнаго, важнаго и пустаго, что не розой-дешья съ нимъ. Нанятой поваръ, Флѣре, или Форле, когда пріятели мои, знавшие къ обѣду, просили показать имъ русскія блюда, отказался подать на столъ жаренаго гуся. —Весь свѣтъ знаетъ, что у моего Шувалова поваръ Флѣре, и подаль на столъ жаренаго гуся, —Флѣре прональ. —Да я хочу! —Извините меня или отпустите. —Мой поваръ между тѣмъ, дѣлая вислощи, какія у меня, нажилъ хорошія деньги.» См. Зап. Тимк.

(101) Письмо Вольтера къ Делілю отъ 18 Апрѣля 1774 г. и перешвека Гримма

Новый король и Марія Антуанета принимали его въ своемъ избранномъ обществѣ, на такъ называемыхъ маленькихъ субботнихъ вечерахъ, которые завела королева, особенно ласкавшая молодаго князя Голицына (102). Однимъ словомъ къ Шувалову по справедливости можно отнести стихи Пушкина:

Съ Ферисемъ распроесться, увидѣть ты Версаль.
 Пророческихъ очей не простирая вдаль,
 Тамъ ликовало все. Армида молодая,
 Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
 Не вѣдая, чему судьбой обречена,
 Развилась, вѣтреннымъ дворомъ окружена.
 Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
 Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы.
 Ученье дѣлалось на время твой кумпръ:
 Уединялся ты; за твой суровый пиръ
 То читатель промысла, то скептикъ, то безбожникъ.
 Садился Дидеротъ на шаткѣй своей треножникъ,
 Бросалъ парикъ, глаза въ восторгъ закрывалъ
 И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
 За чашей медленной аосою или денету,
 Какъ любопытный Скнопъ аопскому софисту.

Наконецъ послѣ долгаго отсутствія, въ Сентябрѣ 1777 года, Шуваловъ возвратился на родину (103). Хотя уже давно онъ утратилъ всякое вліяніе, но еще много было людей, которые пользовались его покровительствомъ и благодѣяніями. Слава мецената и благотворителя всюду его сопровождала, и возвращеніе его въ Россію носитъ какой-то торжественный характеръ. Нѣсколько стихотвореній явилось въ печати по этому случаю, въ Москвѣ и Петербургѣ (104). Изъ нихъ особенно замѣчательно по благородству тона и смѣлости мыслей стихотвореніе Державина, въ то время еще вовсе неизвѣстнаго

въ Дидеротомъ т. VIII, стр. 364, гдѣ приведена эпиграмма г-жи Дю-Дефпанъ на герцога Шуазеля.

(102) См. обо всемъ этомъ вышеуказанную статью П. Писарева: *Два знач. миміатюры*, стр. 392.

(103) Въ Воскресенье, 17 Сент., какъ обозначено въ современныхъ вѣдомостяхъ.

(104) См. у Сопикова, NN 11371, 11420, 11421, 7327 (Кострова), 3743, 11419 и проч.

чпновника, только что вступавшаго на литературное поприще. Державинъ напечаталъ безъимянное посланіе къ Шувалову, въ которомъ отъ имени Россіи говоритъ ему:

«Я сколько лѣтъ тебя, любезный сынъ, не зрѣла!
 «И видѣть ужь тебя надежды не имѣла;
 «Просила небеса, чтобъ ты во здравьи жилъ;
 «Но днесъ ты возвращень, ты радость въ душу влилъ...
 «Но коль ты сердцемъ чуждъ отъ чуждыхъ странъ пришелъ,
 «Не стоишь ласкъ моихъ, которыя нашелъ!»
 Нѣтъ, прежнюю въ тебѣ мы узримъ добродѣтель,
 Шуваловъ! коей всякъ изъ Россовъ былъ свидѣтель;
 Во дни минервины, въ екатериинѣ вѣкъ,
 Еще полезнѣе полезной человекъ (105).

При дворѣ его приняли отлично. Время давно сгладило бывшія неудовольствія. Императрицѣ пріятно было увидать давнишняго своего знакома: она знала, какъ уважали его въ чужихъ краяхъ. Его образованность, близкое знакомство съ первыми людьми Европы, знаніе иностранныхъ дворцовъ и политическихъ отношеній, все давало ему право на вниманіе и отпачіе. Въ самый день пріѣзда государыня послала князя Орлова звать его на завтра во дворецъ и посѣщала сдѣлать ему пріятное, назначивъ возвратившагося съ нимъ молодого кн. Голицына своимъ камеръ-юнкеромъ. Орловъ и Потемкинъ спорили между собою, кому изъ нихъ представлять Шувалова императрицѣ. Нарочно было назначено вечернее собраніе или такъ называемый эрмитажъ для такого *дорогаго гостя*, какъ выразилась Екатерина. Въ теченіи нѣкотораго времени она безпрестанно съ нимъ видалась, разспрашивая его о чужихъ краяхъ, рассказывая ему о новыхъ учрежденіяхъ въ Россіи, требуя отъ него мнѣній и замѣчаній. По всему видно, что Екатерина любовалась трудами своими, видя, какъ изумлялся Шуваловъ перемѣнамъ, происшедшимъ въ Россіи въ 15 лѣтъ ея правленія.—Въ первые же дни по пріѣздѣ, разговаривая съ нимъ, Екатерина вдругъ сказала: «Иванъ Ивановичъ, я знаю, что ты не богатъ». — «Слова эти уже дѣлаютъ меня богатымъ», отвѣчалъ съ поклономъ Шуваловъ.

(105) Эта во многихъ отношеніяхъ замѣчательная *Эпистола* была напечатана особою тетрадкою, и не попала въ собранія сочиненій Державина, кромѣ перваго, весьма рѣдкаго (Москва 1798 г.). Авторъ въ концѣ намекаетъ Шувалову, что онъ учился въ Казани, и ему обязанъ своимъ образованіемъ.

Позднѣе, печально узнавъ чрезъ графа Строганова, что денежные обстоятельства Шувалова плохи, и что онъ даже продавалъ нѣкоторыя вещи, Екатерина посѣщила выдать ему одновременно 40,000 р. и назначила 6000 р. такъ называемыхъ столовыхъ. Разумѣется, и этого не доставало щедрому другу бѣдныхъ и плохому хозяину. Съ деревень своихъ онъ не могъ получить многого. Разъ, нуждаясь въ деньгахъ, вздумалъ онъ продать одну изъ нихъ: крестьяне явились со взносомъ, проси, чтобъ онъ оставилъ ихъ за собою, и говоря, что имъ не шажить такого добраго барина. Въ другой разъ ему понадобилось вдругъ около 40 тысячъ. Желая скорѣе получить ихъ, онъ настаивалъ, чтобъ у него купили за эту сумму подмосковное село его Знаменское, тогда какъ оно стоило несравненно дороже.

Милости государыни не прекращались до конца. Онъ назначенъ былъ оберъ-камергеромъ, получилъ ордена андреевскій и владимірскій 4-й степени, и продолжалъ считаться кураторомъ Московскаго Университета. Важнаго значенія при дворѣ, разумѣется, онъ уже не имѣлъ, оставаясь представителемъ времени прошедшихъ и будучи просто однимъ изъ любимыхъ собесѣдниковъ государыни, которая всегда приглашала его къ себѣ на вечера и игрывала съ нимъ въ ломберъ. Шуваловъ въ числѣ немногихъ приближенныхъ лицъ ѣздилъ съ Екатериною въ Крымъ. Разъ только государыня разгнѣвалась на него, когда ей донесли, будто профессора и студенты Московскаго Университета участвуютъ въ обществѣ Мартинистовъ. Выслушавъ строгіе упреки, Шуваловъ сталъ на колѣни, клятвенно увѣрялъ въ несправедливости обвиненія, и защищалъ благонамѣренность своихъ подчиненныхъ. Государыня успокоилась, и отпустила отъ себя Шувалова, прибавивъ, что полагается въ этомъ случаѣ на него (106).

Доселѣ обстоятельства мѣшали Шувалову осмотрѣть Московскій

(106) Любопытно было бы знать, находился ли Шуваловъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ Новиковымъ. Къ сожалѣнію доселѣ не обнаружены бумаги, относящіяся до управленія Московскимъ Университетомъ въ то время. Изъ того, что удавалось намъ видѣть въ рукописяхъ, заключаемъ, что и тутъ Шуваловъ дѣйствовалъ преимущественно какъ посредникъ и примиритель: такъ напр. онъ старался прекратить неудовольствія, возникшія между кураторомъ Мелисеномъ и типографскимъ дружескимъ обществомъ. Наклонности къ мистицизму Шуваловъ не имѣлъ, и внослѣдствіи доказывалъ его бесполезность, ссылаясь на мѣтніе князя П. В. Рещина, который, долго покровительствуя мартинистамъ, передъ смертью взялъ обѣщаніе съ своего внука не приетунать къ ихъ обществу.—Позднѣе Шувалову поручено было переговорить съ Невзоровымъ, задержаннымъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ. См. Русскую Бесѣду 1856, кн. 3-я, стр. 91.

Университетъ. Онъ не присутствовалъ при его учрежденіи и не былъ въ немъ до самаго 1778 года. По возвращеніи пзъ-за границы онъ посѣщилъ отправиться въ Москву, гдѣ строился тогда большой его домъ на Покровкѣ, для котораго онъ присылалъ планы еще пзъ Италіи, и который принадлежитъ теперь кн. М. Ѳ. Голицыну. Въ 1779 году 3 Іюня въ первый разъ видимъ его въ Университетѣ: онъ присутствовалъ на актѣ и самъ раздавалъ медали и шпаги студентамъ. Въ Іюнѣ слѣдующаго года онъ показывалъ Университетъ императору Іосифу и князю Потемкину. 17 Іюля 1783 года онъ во второй разъ былъ на университетскомъ актѣ, и по этому случаю далъ большой обѣдъ въ помомъ своемъ домѣ. Въ эти посѣщенія онъ особенно заботился о построеніи теперешняго университетскаго дома на Моховой, и благодаря его стараніямъ извѣстный богачъ П. А. Демидовъ пожертвовалъ для этой цѣли большія суммы (107). Тогда же Шуваловъ замѣтилъ дарованіе Кострова, который читалъ одну изъ торжественныхъ одъ своихъ на актѣ Университета. Онъ вывелъ бѣднаго поэта изъ неизвѣстности, обратилъ на него вниманіе императрицы и оказывалъ ему всякаго рода помощь: Костровъ трудился надъ переводомъ *Иліады*, живя въ домѣ Шувалова (108).

Въ послѣдніе годы своей жизни Шуваловъ, сколько знаемъ, уже не принималъ непосредственнаго участія въ управленіи Университетомъ: къ нему относились только въ самыхъ важныхъ дѣлахъ.— Однажды, въ присутствіи государыни, зашла рѣчь о просвѣщеніи. Потемкинъ сталъ говорить о необходимости учредить еще нѣсколько университетовъ; Завадовскій, который зазѣдывалъ въ то время на роднымъ учящимаи, возразилъ ему, что изъ Московскаго Университета все еще не вышло ни одного славнаго ученаго. Тогда Потемкинъ, обратившись къ Шувалову сказалъ: « Даромъ, ваше превосход-

(107) Обо всемъ этомъ подробнѣе въ Исторіи Университета, стр. 113, 247 и 231. Въ *Благонапярениомъ* (1825, № 5, стр. 88-101) напечатано письмо Демидова къ Шувалову, исполненное разныхъ намековъ и странностей. Кажется, они не знали, кому первому вѣхать съ визитомъ. Знаменитый чудакъ писалъ: « Батюшка мой! вы меня давно знаете, что я глушь: на что со мною такія тонкости, которыхъ я не разумѣю? Все догадываюсь, обо всемъ мучусь; что за житье! Вѣдь все равно и безъ догадокъ, а лучше по челоѣкълюбію изясниться » и пр.

(108) См. Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитриева, стр. 11; также соч. Пушкина, т. V, стр. 52. Костровъ написалъ нѣсколько одъ въ честь Шувалова, и кромѣ того *Идилію Каллидоръ*, на день его имении 13 Ноября 1781 г.

дительство, что вы меня за наказаніе выгнали изъ Университета, а я не перестану быть ему благодарнымъ и своимъ Поновымъ изъ него весьма доволенъ » (В. С. Поповъ управлялъ канцелярією Потемкина).—Какъ, князь, спросила Екатерина, васъ выгнали?—Точно такъ, отвѣчалъ Потемкинъ, изъ его гимназій.—Шуваловъ смѣшался, и сталъ говорить, что не помнитъ этого. Но Екатерина успѣшила ободрить его. Ученость сама себя знаетъ, когда и какъ происходитъ, сказала она, но для меня и то уже много, что съ тѣхъ поръ, какъ изъ Университета люди вошли въ дѣла, я стала понимать приходящія бумаги » (109).

Съ 1787 г., по возвращеніи изъ Крыма, Шуваловъ жилъ почти безвыездно въ Петербургъ вмѣстѣ съ сестрою своею кн. Голициною и ея семействомъ, въ богатомъ домѣ на Невскомъ Проспектѣ, окруженный книгами, статуями, картинами. У него постоянно собиравлись образованнѣйшіе люди того времени, кн. Дашкова, Завадовскій, Храповицкій, Козодавлевъ, Сербъ Якевичъ, устроитель народныхъ училищъ, Дмитріевъ, А. С. Шивковъ, Оленинъ, Державинъ. Съ кн. Дашковой раздѣлялъ отъ трудовъ по изданію Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова (110); онъ одинъ изъ первыхъ восхищался стихами Державина и содѣйствовалъ его извѣстности, распространивъ между знакомыми своимъ оду Фелицѣ (111). Державинъ любилъ вѣдомнать объ его покровительствѣ и увѣковѣчилъ имя его въ стихахъ своихъ. Въ 1781 онъ написалъ оду на выздоровленіе Шувалова, въ которой среди громкихъ фразъ слышенъ голосъ искренняго чувства:

И ты, другъ музъ, другъ смертныхъ роду,
Фаросъ младыхъ вельможъ и мой!

(109) См. Зап. Тувк., стр. 63.

(110) Русское чтеніе Глинки, ч. II, стр. 303.

(111) Вотъ какъ рассказано объ этомъ въ объясненіяхъ на сочиненія Державина, ч. 2-я стр. 7. «И. И. Шуваловъ присылаетъ къ автору человека съ убѣдительною просьбою, чтобы авторъ пришелъ къ нему. Авторъ, прѣхавъ къ Шувалову, находитъ почтеннѣйшаго сего человека въ большой заботѣ. Съ прискорбнымъ видомъ спрашиваетъ онъ автора: что ему дѣлать, отсылать ли стихи къ кн. Потемкину, который ихъ требовалъ, или нѣтъ?—«Какіе стихи?» возразилъ авторъ.—«Музы къ Фелицѣ», отвѣчалъ Шуваловъ.—«Какъ вы ихъ знаете? Какъ они могли быть у васъ?»—«Г. Козодавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ.» — «Но какъ же кн. Потемкинъ узналъ о томъ?»—«Вчера обѣдали у меня графъ Безбородко, графъ Завадовскій, Стрекаловъ и другіе любители литературы; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ стихи ваши, а С. изъ подруги кн. Потемкину рассказалъ

И ты Коцита зрѣлъ ужъ воду...
 « Живи, наукамъ благодѣтель!
 Твоя жизнь въ вѣкъ цвѣсти должна!
 Не умираетъ добродѣтель:
 Безсмертна музани она » (¹¹²).

Но кромѣ Державина, Кострова, Фонъ-Визина, Богдановича, Хераскова, много другихъ, менѣе извѣстныхъ людей, одолжены были Шувалову содѣйствіемъ въ трудахъ, указаніемъ помощи, ободреніемъ. Отыскивать людей съ талантами и съ охотою къ ученію, и помогать имъ, было любимымъ его дѣломъ. Такъ въ 1784 г. открылъ онъ крестьянина-самоучку Свѣшникову, который пзумлялъ потомъ петербургское общество отличнымъ знаніемъ многихъ языковъ и необыкновенно свѣтлымъ умомъ своимъ. Для Шувалова было счастіемъ узнать этого человѣка; онъ занимался имъ не изъ празднаго желанія толковать съ ученымъ крестьяниномъ и не изъ суетнаго честолюбія, не изъ того только, чтобы слыть меценатомъ; онъ любилъ и цѣнилъ его: портретъ тверскаго крестьянина висѣлъ у него на ряду съ портретами знаменитыхъ людей.

Знакомство Шувалова съ Свѣшниковымъ весьма замѣчательно, и мы считаемъ нужнымъ рассказать о немъ подробнѣе. Шуваловъ имѣлъ обыкновеніе гулять ищikomъ по городу, въ самой простой одеждѣ, такъ, чтобы не быть замѣчену. Толки народа всегда его занимали. Видѣнное поутру служило потомъ предметомъ вечернихъ разговоровъ, и доходило до дворца (¹¹³). Въ одну изъ такихъ утрен-

ему все, что тамъ на счетъ его сказано. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, вторые къ нему относятся?» — Державинъ успокоилъ Шувалова, рѣшившись не скрывать стиховъ.

(112) См. сочиненія Державина, изд. Штуккина, стр. 123: *На выздоровленіе Мецената*. По этому же случаю Костровъ сочинилъ *Дифирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ* (у Сопкина, № 3178). Державинъ же написалъ Шувалову одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: *Примашеніе къ обьду* (1795).

«Приди мой благодѣтель давній,
 Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра».

Многіе писали въ честь Шувалова; такъ напр. А. Фрлзиловскій (у Сопки. № 3743), П. Майковъ (№ 7316), Морозовъ (*Лѣ* 423), князь П. М. Долгорукинъ (Бытіе сердца моего, стр. 33-37) и пр. Рѣчи и стихи, читанные въ разные времена на актахъ Университета, въ воспоминаніе о немъ, собраны въ одну книгу (у Сопкина, № 9968).

(113) Такъ напр. онъ рассказывалъ Тимковскому (стр. 63): «Однажды утромъ ѣдучи во дворецъ, обошелъ я гостинный дворъ, и видя въ проѣздѣ по лавкамъ много

них прогулокъ замѣтилъ онъ на Щукиномъ дворѣ, въ одной изъ лавочекъ, гдѣ продается разное старье, молодого крестьянина, который очень прилежно разсматривалъ какія-то разложившія на рогожахъ книги. Векорѣ онъ услышалъ, что крестьянинъ торгуетъ себѣ книги. Это подстрекнуло любопытство Шувалова: завѣтная мысль о народномъ образованіи, о распространеніи грамотности въ низшихъ сословіяхъ, тотчасъ мелькнула въ головѣ его. Онъ подходитъ къ лавочкѣ и замѣчаетъ въ рукахъ крестьянина латинскихъ классиковъ, Ливія, Курція, Тацита, въ подлинникахъ. Шуваловъ непремѣнно хотѣлъ объяснить загадку. Догнавъ крестьянина въ переулкѣ, онъ заводитъ съ нимъ разговоръ, убѣждается въ его познаніяхъ, узнаетъ, что онъ экономической крестьянинъ Тверской губерніи, торгуетъ хлѣбомъ, содержитъ цѣлую семью, въ Петербургъ пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ, а книги читаетъ между дѣлъ, научившись первымъ основаніямъ наукъ у священника и у одного бѣднаго студента, и потомъ сдѣлавши самоучкою огромные усѣхи въ языкахъ французскомъ, латинскомъ, греческомъ и математикѣ. Все лучшее на русскомъ языкѣ было ему коротко извѣстно. Скрывая радостное изумленіе свое, Шуваловъ предлагаетъ Свѣшникову купить у него книги, оставшіяся будто послѣ отца его, школьнаго учителя, и непримѣтнымъ образомъ доводитъ его до своего дому. Тутъ, разумѣется, роли перемѣнились: смущенный крестьянинъ не могъ опомниться посреди богатыхъ палатъ; но ласковость и простота въ обращеніи побѣдили его неловкость и застѣнчивость. Кончилось тѣмъ, что Свѣшниковъ поселился въ домѣ у Шувалова, и весь передался чтенію книгъ изъ его библіотеки. Шуваловъ предлагалъ ему мѣсто при Московскомъ Университетѣ, но Свѣшниковъ не соглашался принять его, желая оставаться въ прежнемъ быту. Онъ не хотѣлъ также занять хорошей комнаты, а помѣстился въ тѣсной каморкѣ и спалъ на простомъ войлокѣ. Камердинеръ, котораго Шуваловъ за нимъ посылывалъ, всегда заставлялъ его сидящаго на полу на разостланномъ кафтанѣ и обкладеннаго книгами. Многіе изъ знакомыхъ Шувалова не хотѣли вѣрить такому открытію. Шуваловъ долженъ былъ

портретовъ государыни, страшно безобразныхъ, нарочно купилъ одинъ и взялъ съ собою. — Что это у васъ, Иванъ Ивановичъ? спросила государыня. — Узнавайте, ваше величество. — Ахъ боже мой! это и? и тотчасъ велѣла оберъ-полицмейстеру, какіе въ лавкахъ есть безобразные портреты ея, всё истребить и сжечь, а впредь за тѣмъ наблюдать »

показывать имъ Свѣшниковъ. Ему дѣлали вопросы, на которые онъ давалъ изумительные отвѣты. Такъ кн. Дашкова экзаменовала его во французскомъ языкѣ: оказалось, что онъ коротко знакомъ былъ съ твореніями Руссо и составлялъ о нихъ самостоятельное сужденіе. Шувалову очень хотѣлось, чтобъ Свѣшниковъ попытался писать стихи; два мѣсяца продолжался опытъ, и окончился неудачно: онъ не имѣлъ вовсе стихотворческаго таланта. За то нашлась въ немъ еще новая способность онъ составлялъ цѣлыя картины изъ соломы и цвѣтныхъ мховъ. Двѣ такія картины, представляющія перспективные виды, были пріобрѣтены Шуваловомъ. — Позднѣе Потемкинъ переманилъ къ себѣ Свѣшниковъ обѣщаніемъ обезпечить существованіе его семейства, и увезъ съ собою въ Новороссійскій край, гдѣ онъ скоро умеръ въ Херсонѣ (114).

Образъ жизни Шувалова, домашній бытъ его въ то время, когда онъ спокойно доживалъ вѣкъ свой въ кругу любезнаго ему семейства Голицыныхъ, описанъ однимъ изъ воспитанниковъ Московскаго Университета, Пльею Ѳеодоровичемъ Тимковскимъ (впоследствии директоромъ Новгородъ-Сѣверской Гимназіи). Тимковскій, небогатый студентъ изъ Малороссіянъ, только что окончившій ученіе свое, былъ вызванъ на службу въ канцелярію тогдашняго генераль-прокурора кн. Куракина. Университетомъ въ то время управляли кромѣ Шувалова еще двое другихъ кураторовъ, жившіе въ Москвѣ, Херасковъ и столько разъ упоминаемый нами кн. Ѳ. Н. Голицынъ, достойный воспитанникъ своего дяди. Онъ узналъ Тимковскаго по стихамъ, которые тотъ написалъ на новый годъ (1797), и далъ ему письмо въ Петербургъ, къ матери своей, сказать, чтобы онъ остановился въ домѣ его дяди. Это было великимъ поощреніемъ молодому человѣку. Но ласковость Шувалова превзошла его ожиданія. По слѣдующимъ разсказамъ мы можемъ судить, какъ вообще принималъ Шуваловъ молодыхъ талантливыхъ людей; единственное право Тимковскаго на вниманіе Шувалова

(114) Любопытное извѣстіе объ Иванѣ Евстратовичѣ Свѣшниковѣ записано было Ѳ. П. Глиномъ со словъ очевидца, шуваловскаго секретаря Л. Ѳ. Людоговскаго, и напечатано въ 3-й части *Писемъ Русскаго Офицера* (М. 1815, стр. 88-111). Заспоривъ у Потемкина съ однимъ равномъ о легкости еврейскаго языка, Свѣшниковъ въ короткое время выучился этому языку. Тоже самое сообщаетъ А. С. Пушкинъ въ разсказахъ, записанныхъ имъ со словъ П. К. Загряжской (соч. Пушкина, т. V, стр. 48-49). Но тамъ необыкновенный крестьянинъ названъ Ветонкинымъ. Вѣроятно память не ошибла на этотъ разъ знаменитей старуха.

заклучалось въ томъ , что будучи студентомъ , онъ отлично учился и писалъ стихи (¹¹⁵).

« Кибитка остановилась у дому (на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой). Швейцаръ изъ сѣней отворилъ мнѣ дверь. Я взомель по лѣстницѣ , какъ ѣхалъ дорогой , въ большую переднюю съ офиціантами. Старшій понесъ мое письмо , и вышедъ проводилъ меня , черезъ середній чистый дворъ ; отвелъ мнѣ двѣ готовыя комнаты во второмъ этажѣ длинной постройкы , окнами въ Садовую , и привелъ ко мнѣ слугу. Кладь моя внесена. Я спѣшилъ одѣться , чтобъ явиться у княгини (Голлицыной). Скоро за тѣмъ видный офиціантъ пришелъ объявить мнѣ , что его высокопревосходительство меня ожидаетъ , и проводилъ меня въ комнаты на его половину — А княгиня? — Она тамъ. — Выходя по лѣстницѣ въ мундирной моеи формѣ и нарядной шубѣ , я почувствовалъ гармоническое движеніе въ груди моеи. Предетатель музъ , твердый изъ дѣтства! Вѣковой вельможа , извѣстный свѣту! Я его увижу. — Въ аванзалѣ , окнами на проспектъ , одѣтой по стѣнамъ сверху до низу портретами , два камерлакея , а къ дверямъ гостиной еще огромный старшій камерлакей и плзенькой сухой старичокъ въ черномъ кафтанѣ. Они указали дверь гостиной (¹¹⁶).

« Впечатлѣніе всего такъ слилось во мнѣ , что и здѣсь сладки для меня его подробности. Свѣтлая угловая комната , на востокъ и полдень , о 6 или 7 окнахъ ; тамъ на лѣво , въ большихъ креслахъ у столика , окруженный лицами , сидѣлъ мастыгый , бѣлый старикъ , сухощавый , среднебольшаго росту , въ свѣтлосѣромъ кафтанѣ и бѣломъ камзолѣ. Разсыпанные при входѣ глаза я вперилъ въ него , подойдя мѣрно съ поклономъ , произнесъ только свое имя и нѣсколько отетушилъ , съ чувствомъ какой-то радости. — Я васъ знаю , сказалъ онъ съ кроткою важностію , и перемѣня видъ : вы обидѣли мой Университетъ. — Я смѣшался , потупивъ глаза. — Вы забрали у меня столько медалей , сказалъ онъ умильно звонко-серебренною рѣчью. — Сердце мое вздрогнуло , и взоръ освѣжился. — Все ли хорошо у васъ? — Мы... всѣ... благодаримъ ваше высокопревосходительство. — Это

(115) См. Записки Тимковского во Мѣсквитинѣ 1851 г. № 20. Онѣ составлены въ преклонной старости , въ 1830 году.

(116) Это были гайдуки , спасшіи Шувалова въ швейцарскихъ горахъ и бывший камердиреръ его французъ Бернаръ. «Она на немѣн , за столикомъ у дверей гостиной , вѣчно ихъ мѣсто , играли свой шкетъ» , замѣчаетъ Тимк.

вырвалось у меня со всею силою чувствъ ; и онъ, казалось, замѣтилъ.»

Тимковского оставили обѣдать и пригласили всегда являться къ обѣду. На другой же день Шуваловъ далъ ему письмо къ кн. Курякину, который немедленно опредѣлилъ его къ себѣ въ секретари. « Вотъ мой питомецъ , сказалъ Шуваловъ Козодавлеву , препоручая ему съѣздить вмѣстѣ съ Тимковскимъ къ генераль-прокурору — это мои дѣти; вамъ его поручаю.»—Черезъ нѣсколько времени молодой человѣкъ и старый вельможа сблизились Шуваловъ открылъ ему свою бібліотеку, подарилъ ему на память нѣсколько книгъ , эстамповъ, статуй и проч. (117). « Не нужно говорить — продолжаетъ Тимковскій — сколько я принесъ Шувалову моей чувствительности. Допустимъ здѣсь съ обѣихъ сторонъ что ибудь изъ того, что лежитъ глубже въ сердцахъ человѣческомъ. Я прожилъ въ домѣ его 7 или 8 дней; въ ихъ пятый былъ воскресный день. Изъ угловой гостиной ведетъ на лѣво боковой выходъ въ кабинетъ, отсюда жилия его комнаты, окнами на дворъ; а прямо вдоль Садовой улицы длинная галлерей съ бібліотекою. За нею своя домовая церковь. Общій ходъ въ церковь по особой лѣстницѣ со двора, откуда приходятъ сторонніе. Для нея свой сановитый дьячекъ поетъ и читаетъ малороссійскою рѣчью. Шуваловъ у правой стороны церкви большею частью сидѣлъ въ креслахъ съ подосланнымъ ковромъ. Я замѣтилъ уже съ первыхъ дней, что онъ у себя, съ кѣмъ бы что ни говорилъ, по временамъ, какъ будто остановясь на какой мысли, крестился у груди малымъ тройственнымъ крестомъ; тоже было и въ церкви очень часто. Говорили, что это давняя его привычка; другіе прибавляли, что онъ принималъ ее, вышедъ изъ вѣка вольдумства.»

Были однако случаи, когда этотъ добродушный старикъ выходилъ изъ себя и горячился. Такъ однажды нѣкто эмигрантъ Пикаръ сталъ подсмѣиваться въ присутствіи Шувалова надъ какимъ-то русскимъ княземъ, Н. Б. Шуваловъ замѣтилъ ему неприличіе его шутокъ;

(117) Свितову сказку о бочкѣ (le Conte du Tonneau) съ сатирическими картинами о трехъ западныхъ неовѣданіяхъ, 2 тома, in-12. въ Гагѣ 1741 г. съ гербомъ и вензелемъ Шувалова; эстампъ вандиковой картины: Время въ видѣ крылатаго Сатурна; и два вывезенные изъ Рима антика: Марсъ и Минерва. Все это Тимковскій хранилъ, какъ святыню.

Книги, картины и все имѣніе Шувалова достались по послѣдству и завѣщанію двумъ дѣтямъ сестры его кн. Голицыной, князю Федору Николаевичу и графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Головиной.

въ другой разъ просто приказаль ему не говорить больше о князѣ; но когда Пикарь началъ оправдываться, Шуваловъ вешылилъ и грозно закричалъ «Бродяга! смѣлъ ты передо мною поносить вельможу, въ обществѣ, которое пригрѣло тебя! Вонъ изъ моего дому, вонъ!» Тихо, съ извиненіями, отступалъ Пикарь къ дверямъ, и долженъ былъ удалиться. «Jacobin! продолжалъ Шуваловъ, онъ можетъ похвалиться, что говорилъ это у меня!» Сестра, племянница и гости стали упрашивать Шувалова, чтобъ онъ не сердился. Пикарь получилъ позволеніе возвратиться, при чемъ Шуваловъ, какъ замѣчаетъ свидѣтель этой сцены, «перекрестяся, далъ ему вразумительную гонку.»

«Но я всегда бывалъ болѣе доволенъ, говоритъ Тимковскій, когда находилъ Шувалова однимъ, или почти однимъ. Тогда онъ охотно раскрывалъ, кажется, самъ передъ собою картины своей жизни. Миѣ оставалось придавать связи, и какъ бы подкладывать дрова...»—«Въ разговорѣ и разказахъ онъ имѣлъ рѣчь свѣтлую, быструю, безъ всякихъ приголосковъ. Русскій языкъ его съ красивою обдѣлкою въ тонкостяхъ и тонахъ. Французскій онъ употреблялъ, гдѣ его вводили, и когда, по предмету, хотѣлъ что сильнѣе выразить. Лице его всегда было спокойно поднятое, обращеніе со всѣми упредительное, вѣссловидное, добродушное.»—«Случалось, что мы до обѣда, но чаще послѣ обѣда выходили въ большую гостинную, съ вывезеннымъ изъ Неаполя мраморнымъ каминомъ. На каминѣ стояли двѣ древнія статуйки бѣлаго мрамора, величпною до двухъ футовъ. Разъ я заглядѣлся на нихъ.—«Эти статуйки дорого миѣ стоятъ», сказалъ онъ. На ожидающей мой видъ онъ продолжалъ: «Послѣ моего возвращенія, въ первые годы, съѣздилъ я въ свою новую деревню. Тамъ передъ окнами дому, мало наискось, открывался прекрасный видъ за рѣкою. Пологостью къ ней спускается широкій лугъ, и на немъ косятъ. Все утро я любовался видомъ, и потомъ спросилъ у своего интенданта, какъ великъ этотъ лугъ?—Онъ большой, говоритъ, указывая въ окно, по тотъ лѣсъ и за тѣ кусты.—Сколько тутъ собирается сѣна? — Не могу доложить; онъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, такъ подходитъ къ намъ.—Чужое въ глазахъ такъ близко, подумалъ я; и лугъ остался на мысляхъ. Я выбралъ время, послалъ къ графу съ предложеніемъ, неуступить ли миѣ, и какую назначить цѣну? — Скажите Ивану Ивановичу, отвѣчалъ графъ, что я имѣнія моего не продаю, ни

большаго, ни малаго; а если онъ дастъ мнѣ тѣ двѣ статуйки, что у него на каминѣ, то я съ нимъ помѣняюсь. — Я подумалъ: лугъ такъ хорошъ, и подъ глазами; но будуль я когда въ деревнѣ, — а къ этимъ привыкъ, отдавши испорчу каминъ, и мысль свою оставилъ.»

Подобныя бесѣды, которымъ мы обязаны многими изложенными въ настоящемъ трудѣ свѣдѣніями, продолжались болѣе полугода. Молодой чиновникъ почти каждое воскресенье приходилъ молиться въ домовую церковь Шувалова, и потомъ оставался у него обѣдать.

Тимковскій узналъ Шувалова на семидесятомъ году его жизни. Онъ былъ уже слабъ здоровьемъ, что и помѣшало ему съѣздить въ Москву на коронаваніе Павла Петровича. Онъ привѣтствовалъ государя письмомъ, въ которомъ вспоминалъ объ его младенцествѣ, и получилъ въ отвѣтъ мплостивый рескриптъ вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ, что ему пожалованы деревни съ тремя тысячами душъ (118). Не долго впрочемъ пользовался онъ умноженіемъ своего достатка. Осенью, возвратившись изъ Павловскаго, куда приглашала его на обѣдъ къ себѣ императрица Марія Федоровна, онъ вдругъ ослабѣлъ, занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни скончался, 14 Ноября 1797 года (119). Его похоронили съ великими почестями въ Невской лаврѣ, въ малой Благовѣщенской церкви. По приказанію государя камеръ-пажи дежурили у тѣла, и весь дворъ принималъ участіе въ погребальномъ шествіи. «При всемъ нестоекствѣ сѣверной осени, петербургской погоды, холода и грязи — замѣчаетъ Тимковскій — умилятельно было видѣть на похородахъ, кромѣ великаго церемоніала, сѣзда и многолюдства, стеченіе всего, что было тогда въ Петербургѣ изъ Московскаго Университета, всѣхъ временъ, чиновъ и возрастовъ, и все то были, какъ онъ почиталъ, его дѣти. Памятникъ Ломоносова видѣлъ провозимый гробъ мецената.» Отпѣвалъ тѣло петербургскій митрополитъ Гавріилъ, а надгробное слово говорилъ славный въ то время проповѣдникъ бѣлорусскій епископъ Анастасій Братановскій (120).

(118) См. въ біографической запискѣ о Шуваловѣ кн. Голлицына, стр. 98, гдѣ напечатаны рескриптъ государя (отъ 9 апр. 1797 г.) и два письма Шувалова, поздравительное и благодарственное послѣ пожалованія деревень. Въ послѣднемъ читаемъ: «Сія мплость перемѣнила недостаточное мое состояніе въ довольное на всю мою жизнь.» Въ рескриптѣ государь писалъ: «Съ благодарностью воспоминаю буду попеченія ваши обо мнѣ во время моего младенчества.»

(119) Такъ обозначено на его надгробномъ камнѣ.

(120) Слово это отпечатано отдѣльною брошюрою. «Онъ счастливымъ себя почиталъ въ

На другой день его кончины государь, влучи верхомъ по Невскому Проспекту, остановился противъ его дому, снявъ шляпу и, поглядѣвъ на окна, низко поклонился.

Мы изложили дошедшія до насъ извѣстія о Шуваловѣ, и конечно насъ можно было бы упрекнуть въ пристрастіи, если бы мы стали называть его человѣкомъ необыкновеннымъ. Напротивъ, онъ скорѣе принадлежалъ къ числу людей простыхъ. Онъ не имѣлъ ни особенно сильнаго характера, ни отличныхъ талантовъ, и большую часть жизни провелъ на покоѣ. Его литературныя занятія ничтожны: они ограничивались переводами и кое какими стихами (121). Но онъ пользовался высокимъ своимъ положеніемъ, богатыми средствами, которыя посылала ему судьба,—для блага другихъ; онъ собиралъ книги, окружалъ себя картинами и произведеніями изящ-

тотъ день—говоритъ проповѣдникъ—въ которой имѣлъ случай удалить несчастіе, и споспѣшествовать счастью другихъ.. Свидѣтели достоинства его державы, приносившія ему почести, отъ коихъ онъ, дабы не затмили его усердіе къ отечеству, отрекся.... Въ обоихъ пресогольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдаютъ нестарѣющуюся память той его ревности, съ какою онъ тщался не меньше о украшеніи науки умомъ, какъ и поступковъ благородныхъ учтивостямъ.»

(121) Ему приписываютъ (Ж. М. Н. 1837, Августъ, стр. 403) переводы двухъ книгъ: *Энциклопедія или краткое начертаніе наукъ*, съ пѣл. М. 1781. и *Сокращеніе стихотворческой исторіи или введеніе въ мифологию*, съ фр. 1784. Но мы имѣли случай видѣть обѣ книги; оказалось, что переводы эти принадлежатъ одному изъ воспитанниковъ москов. университетскаго пансіона, который назывался тоже Иваномъ Шуваловымъ.—Кромѣ того обыкновенно считаютъ его сочинителемъ слѣдующей надписи къ портрету Ломоносова:

Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ витію,
 Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
 Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
 То онъ одинъ въ своемъ понятіи выѣстилъ;
 Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
 Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Евгеній въ Словарѣ своемъ говоритъ, что Шуваловъ выдалъ эту надпись за сочиненіе Поповскаго, и что вообще свои мелкія стихотворенія, писанныя въ молодыхъ годахъ, онъ помѣщалъ въ журналахъ либо безымянно, либо подъ чужими именами. Указать эти стихотворенія теперь уже нѣтъ возможности —Кромѣ того, по словамъ Евгенія и Леклерка, онъ перевелъ *весьма удачно* изъ Шекспира монологъ Гамлета: этого перевода мы также не имѣли случая отыскать.

ныхъ искусствъ, не изъ утонченной роскоши, не для одного только собственнаго удовольствія; онъ постоянно имѣлъ въ виду распространеніе знаній и добра между стоявшими ниже его по общественному положенію соотечественниками. Оттого имя его въ Россіи дорого всякому просвѣщенному человѣку. Заключимъ словами Державина:

« Онъ жилъ для всенародной льготы
И покровительства наукъ. »

644

Петръ Бартеневъ.

Москва.
1855 г.

